

Проект «Социальная поддержка официальных бедных в условиях социальной трансформации: институт зависимости или канал восходящей мобильности»

ФИНАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ
(ПЕРВАЯ ВЕРСИЯ – 07.2003)

С.С. Ярошенко (руководитель проекта)
Т.С. Лыткина (исполнитель)
В.А. Сидорова (исполнитель)

Привлеченные исследователи:
В. И. Казанина
Д.А. Трофимов
М.Ф. Черныш

ПЛАН ОТЧЕТА

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ОРГАНИЗАЦИЯ ОПРОСА В РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ: ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Генеральная совокупность: социальный портрет Сыктывкара

1.2. Формирование выборки

- а. Кластеризованная выборка
- в. Принципы агрегирования
- с. Округа (measure of size)
- d. Отбор избирательных участков
- е. Отбор респондентов внутри ПЕО

1.3. Реализация выборки

- а. Оценка репрезентативности
- в. Неответы
- с. Отказы

ГЛАВА 2. СТАТИСТИЧЕСКИЕ БЕДНОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА

2.1. Степень и масштабы статистической бедности

2.2. Социально-экономические факторы статистической бедности

2.3. Модели сравнительной социальной оценки

ГЛАВА 3. ОФИЦИАЛЬНАЯ БЕДНОСТЬ: СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

3.1. Система адресной социальной помощи в республике Коми до 2002 года

3.2. Изменения адресной социальной помощи в 2002 – 2003 годах

ГЛАВА 4. КРАЙНЕ БЕДНЫЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

4.1. Методика выделения социальных групп по степени лишений

- а. Виды депривации
- в. Депривация и жизненные стандарты
- с. Депривация и имущественная обеспеченность

4.2. Социальные различия крайне бедных и официальных бедных

4.3. Социальные детерминанты крайней бедности

ГЛАВА 5. РИСК ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТОЯННОЙ БЕДНОСТИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Проект был ориентирован на изучение факторов формирования экономической зависимости среди низкодоходных семей, а также влияния действующей системы социальной поддержки нуждающихся на преодоление или усугубление бедности.

Отправной точкой для такой постановки проблемы стали две тенденции, наблюдаемые в ходе пилотирования и реализации в Республике Коми новой системы адресной помощи малообеспеченным семьям¹. С одной стороны, из года в год росла доля зарегистрированных нуждающихся (официальных бедных): по данным ведомственной статистики (министерства по социальным вопросам РК) их численность увеличилась с 13727 человек до 116048 человек в 2000 году (примерно в 9 раз). С другой стороны, сохранялся существенный разрыв между числом зарегистрированных бедных и долей населения с доходами ниже прожиточного минимума, так называемых статистических бедных. Несмотря на существенный рост признанных «нуждающимися»: получивших официальный статус и право на социальную помощь, - на сегодняшний день в регионе они составляют около 35% всех статистически бедных. Для сравнения, в 1997 году таковых было лишь 7%.

Почему одни низкодоходные семьи обращаются за помощью, а другие – предпочитают самостоятельно решать свои материальные проблемы? За счет кого, каких категорий населения идет увеличение зарегистрированных бедных? Существуют ли различия в социально-демографических характеристиках, статусе занятости, наличии материальных и социальных ресурсов этих двух категорий? Действительно ли обращаются наиболее нуждающиеся? Есть ли особые характеристики обращающихся, которые в последствии могут привести к экономической зависимости и постоянству бедности?

Иными словами, проблема заключается в том, что в ситуации нисходящей мобильности широких слоев населения, распространения бедности на работающих и кардинального изменения системы жизнеобеспечения в условиях реструктурирования российской экономики и социальной трансформации, действуют специфические факторы формирования экономической зависимости и застойной бедности. Эти факторы до сих пор мало изучены и скрыты от внимания социальных политиков. Все еще слабо учитываются модели реактивного поведения населения: те конструктивные\деструктивные практики совладания с нуждой социальных групп, испытывающих материальные лишения и оказавшихся включенными или исключенными из системы социальной поддержки.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследовательского проекта являлось изучение конструктивных\деструктивных практик совладания с бедностью социальных групп: отличающихся по степени нуждаемости и использованию гражданского ресурса (включению в сферу действия формирующейся системы социальной поддержки).

В ходе исследования предполагалось изучить каким образом взаимодействуют структурные и культурные факторы в воспроизводстве бедности и какие из них являются сегодня определяющими, проанализировать роль социальной поддержки в решении проблем крайне бедных и уменьшения риска формирования застойной бедности.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концептуальная модель исследования направлена на описание и объяснение феномена

¹ Республика Коми являлась одним из трех регионов России, где проводились пилотные программы по оказанию адресной социальной помощи малоимущим семьям при поддержке Мирового Банка (Пилотные программы, 1999).

бедности (материальных лишений) трудоспособного населения, что стало отличительной особенностью бедности в условиях трансформации (Ярошенко, 2001b). Она отражает механизм формирования социально-исключенных групп на макро и микро уровнях: через особую социальную политику на рынке труда и в сфере социальных гарантий и, соответственно, через воспроизводство неперспективных устойчивых способов решения проблем в исключенных группах, усугубляющих изоляцию и материальные лишения.

Основной фокус исследовательского проекта – механизм исключения/ включения социальных групп в «проблемную» или «депривированную» социальную категорию.

Ключевая гипотеза состояла в том, что *постоянно бедные* – это не только постоянно получающие пособие, но и исключенные из системы социальной поддержки. С точки зрения государственной политики эта категория «невидима» или исключена из действующей на рынке труда и социальной сферы (то есть сферы социальных гарантий) системы поддержки или стимулирования достигательских или успешных форм экономического поведения. С точки зрения микро-практик экономического поведения данная социальная категория «изолирована» в результате выработки таких способов решения проблем, которые несмотря на конструктивный потенциал, не находят поддержки и развития.

Для проверки данной гипотезы в ходе социологического опроса домохозяйств города Сыктывкара были выделены группы населения по степени нуждаемости и включения в систему социальной поддержки. Затем они были протестированы на предмет различий, а следовательно и ключевых факторов, которые определяют попадание в социально-исключенную группу.

Зависимая переменная – группы населения по степени нуждаемости.

Независимые переменные – факторы, определяющие исключение – дискриминационные (сегрегационные) практики на рынке труда и системе социальной поддержки: социально-демографические (пол, возраст, тип семьи), образование, профессия конструктивные/деструктивные практики решения проблем в социально-исключенных группах

Исходной идеей нашего исследования является предположение о том, что новые формы бедности, а также ее объяснения, появлялись параллельно с возможностью политической системы организовываться в новые формы гражданского управления, а также формированием устойчивых практик реагирования населения изменение прежней системы жизнеобеспечения.

Бедность – это проблема социального исключения/включения в использование ресурсов, благ, привилегий. В этом случае групповое взаимодействие сложно объяснить с точки зрения сугубо экономического поведения минимизации затрат и максимизации прибыли. Это также проблема власти, субординации и дискриминации, проблема реагирования населения на складывающиеся институты распределения благ и гарантий в условиях рыночной экономики.

Предполагалось, что действующая система социальной поддержки не учитывает в должной мере реактивное поведение населения – конструктивные/ деструктивные практики совладания с нуждой низкодоходных групп населения.

Данная система скорее ориентирована на поддержание существующего уровня потребления и не стимулирует развитие деловой активности обращающегося за помощью населения. Акцент современных технологий выявления и поддержки нуждающихся в сторону стимулирования использования имеющихся ресурсов прошлого (излишков жилья, машины или иного имущества) исключает из поля зрения иные формы реагирования населения на ситуацию материальных лишений – деловой активности.

Кроме того, выпадает из поля зрения категория проблемных семей, которые не обращаются за помощью, но составляют основу застойной бедности.

Концептуальные рамки данного проекта формировались сквозь призму представлений относительно бедности в России в целом. В советское время бедность по идеологическим причинам не признавалась, однако низкодоходные группы существовали, а значит, статистически фиксировались, называясь малообеспеченными. Основу материального и гражданского благополучия составляла позиция в иерархии рабочих мест, включенных в особую систему распределения привилегий. Любая, даже низкоквалифицированная работа, позволяла обеспечивать социальный минимум, потому особую и «единственную» угрозу «достойному» и состоятельному образу жизни в советской системе представлял лишь рост числа иждивенцев в семье. По этой причине именно семьи с повышенной долей иждивенцев: многодетные семьи, неполные семьи, инвалиды, - признавались официально бедными (малообеспеченными) и ответственность за их содержание брало на себя государство.

С началом рыночных реформ 90-х годов и развалом прежней системы жизнеобеспечения, по мнению некоторых исследователей, меняется характер бедности: из феномена жизненного цикла, обусловленного демографическими факторами, она становится явлением, тесно связанным с классовой позицией, этничностью и гендером (Szeleney, 2000:2). Не вдаваясь в дискуссии о природе бедности при социализме, отметим, что фундаментом сегодняшней экономической состоятельности является позиция, занимаемая индивидом на «рынке труда», все еще зависящая как от стратегии «реконструкции» прежней распределительной системы, так и способности домохозяйств мобилизовать имеющиеся ресурсы (профессиональные навыки, сбережения, связи и т.п.) для включения в благополучную сферу занятости и самостоятельного преодоления материальных проблем. Несмотря на то, что развал производства, сокращение социальных льгот и гарантий стимулировали развитие сетевых отношений (обмена) и домашней экономики, «особые» отношения с оплачиваемой занятостью, как прежде, так и теперь, являются основой материального достатка. Однако теперь обеспечение социального минимума существенно определяется положением в отраслевой и должностной иерархии. Безработица или получение заработной платы ниже прожиточного минимума более вероятны в тех сегментах оплачиваемой занятости, которые исключены из числа приоритетных и стратегических. Ярким показателем исключения являются региональные, отраслевые и должностные различия в оплате труда. В условиях монопроизводства это обстоятельство становится серьезной причиной для крайней бедности, признания себя несостоятельными в качестве кормильцев и обращение за помощью.

Реабилитация бедности и формирование института социальной поддержки неимущих в этом социальном контексте является «естественным» механизмом компенсации последствий дискриминационных практик занятости (социального исключения с рынка труда отдельных отраслей или сегментов), становясь в условиях ограниченных возможностей, дополнительным каналом (элементом механизма) исключения или включения в число состоятельных бедных.

Еще одной особенностью современной ситуации в сравнении с советскими временами является то, что сокращаются возможности мобильности в благополучные слои и создаются условия для формирования постоянной бедности (андекласса).

В число андекласса, по мнению западных исследователей, чаще всего попадают наиболее уязвимые категории. Географическая сегрегация, наряду с крайней бедностью и межпоколенческой преемственностью, считаются основными факторами формирования этой категории (Szeleney, 2001: Ch4, 1).

В российском контексте наследуемая бедность как индикатор андекласса (застойной или постоянной бедности) в связи со спецификой советской системы распределения вызывает

сомнения, хотя и есть основания ожидать некоторого «наследования» зависимости от льгот и пособий. Пространственная изоляция, в качестве базового индикатора андекласса, для России также мало пригодна, хотя проявляется в ряде депривированных сельских, лесных, угольных поселков. К тому же место жительства, как показали сравнительные исследования, является мощным фактором бедности в России (Szeleney, 2001: Ch4, 21). Однако, в большинстве случаев крайняя бедность не локализована пространственно и вместо “пространственной” имеет место “социальная изоляция”: социальная дистанция между бедными и остальными слоями.

В связи с этим в качестве базовых характеристик постоянно бедных в России, или российского андекласса, взяты следующие черты: крайняя бедность; продолжительность такого состояния, грозящая воспроизводством нужды в последующих поколениях; особые (безуспешные²) *стратегии выживания*, связанные с консервацией бедности, а не ее преодолением.

Таким образом, фокус данного исследовательского проекта - устойчивая группа постоянно бедных, или андекласс - характеризуемая низкой материальной обеспеченностью (крайней бедностью), исключением с рынка труда и из системы социальной защиты.

Социальное исключение в данном контексте является характеристикой (1) отношения государства к депривированным группам, испытавшим резкое снижение уровня материальной обеспеченности и социального статуса; (2) группового поведения, нацеленного на отождествление себя с бедными, признание экономической зависимости и закрепление практики выживания вне достижительских сценариев.

Именно, социальное исключение является механизмом формирования постоянной и глубокой бедности. Исключение проявляется на институциональном и поведенческом уровнях. На институциональном уровне происходит формирование института изоляции несостоятельных граждан: экономическая политика государства определяет нестратегические места работы, исключая из состоятельных тех, кто там работает, а органы социальной защиты исключают тех, кто не входит в число достойных помощи бедных. На уровне поведения происходит выбор неэффективной стратегии жизнеобеспечения, выпадающей из принятого (распространенного) хозяйственного уклада, исключение из которого закрепляет бедность. Апогеем исключения становится атомизация индивидов – потеря связи с домашней экономикой (выпадение из семьи) и сетевой экономики (родственного обмена).

СОСТОЯНИЕ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ

Существуют две традиции восприятия бедности в развитых странах. Обе связаны с определенной политикой социальной инновации и социального порядка (социальной справедливости): либеральной или социально-демократической. Первая непосредственно вытекает из идеи саморегулирующегося рынка и государства “*lassiez-fair*”: минимальным вмешательством государства в распределение, которое регулируется “невидимой рукой” рынка. Вторая – из континентальной (эгалитарной) традиции регулирования распределения ресурсов.

² Успешные и безуспешные практики поведения официальных бедных выделялись на основании того, насколько они способствовали преодолению или углублению материальных лишений (бедности), формированию реальной группы бедных. *За счет мобилизации какого ресурса формируется успешная стратегия? И напротив, невозможность использования каких ресурсов ведет к постоянству бедности?* Параллельно рассматривалась роль социальных пособий в этом процессе, а точнее роль стратегий, связанных с оплачиваемой занятостью или государственной помощью (стратегии занятости или стратегии зависимости).

Первую, называют англо-саксонской либеральной традицией восприятия бедности как естественного состояния, управляемого законами народонаселения и ресурсов. Роль государства в этой традиции виделась в ограничении вмешательства или в преодолении институциональных барьеров на пути действия «естественных» законов рынка и конкуренции (Jordan, 1996; Dean, 1991).

Вторую, называют континентальной меркантилистской традицией управления и политики, рассматриваемой в контексте социального исключения и “сохранения и использования индивидов как ценного ресурса государства”. В этой традиции бедные – это часть национального достояния, которое надо сохранять и поддерживать. Социальное исключение в этом смысле понимается не просто как выпадение с рынка труда, а как выпадение из-под опеки государства, из поля государственных интересов.

Современное различие между этими двумя интеллектуальными и политическими традициями представил Esping-Andersen, 1990. Он выделил три типа государства всеобщего благосостояния.

Ни одна из этих двух интеллектуальных традиций не представляет как бедность и социальное исключение взаимодействуют в условиях социальных трансформаций. Цель данного проекта – разработать анализ, объясняющий динамику этих двух феноменов (рынка и государства) в трансформирующейся стране, так же как постоянный рост числа бедных, несмотря на действие как либеральной (рыночной) политики, так и протекционистской государственной системы.

Существующая теория бедности и социального исключения часто связана с динамикой рынка и государства и мало уделяет внимания формированию, организации социальной группы и ее коллективного действия в реализации групповых интересов, в результате чего также происходит исключение и маргинализация индивидов. Таким образом, исключение и включение – универсальные характеристики формирования социальной категории, требующей особого внимания со стороны государства.

СТРУКТУРА ОТЧЕТА

Финальный отчет состоит из пяти глав. В первой главе рассматриваются принципы организации опроса. Во второй - дается краткая характеристика статистической бедности в республике Коми. В третьей – анализируются особенности социальной политики в регионе. В четвертой - проводится сравнительный анализ социальных характеристик официальных бедных и крайне бедных, с помощью регрессионной модели определяются факторы, влияющие на крайнюю бедность. В пятой – рассматривается риск формирования постоянной бедности. Таким образом, через выявление зон крайней бедности и их пересечения с полем социальной политики анализируется механизм социального исключения, а также выявляется потенциал для повышения адресности и эффективности проводимой социальной политики.

ГЛАВА 1. ОРГАНИЗАЦИЯ ОПРОСА В РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ: ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор только одного города для проведения опроса был обусловлен исследовательскими задачами, а также возможностью сопоставления результатов с ранее проведенными здесь исследованиями.

Исследование одного города – методически не новое решение. Об опыте такой работы можно судить на основании известного Таганрогского исследования³ (Бедность, 1994; Rimashevskaya, 1998), исследований в Санкт-Петербурге (Piirainen, 1997; Бедность, 1998) или социологического исследования жилищных классов, проведенного в 1999 году (N=1125) в Сыктывкаре (Burawoy и др, 1999). Сквозь призму одного случая в каждом проекте раскрывается сложный механизм социальных отношений. С одной стороны, это облегчает задачу, а с другой – осложняет требованиями пристального внимания к деталям. Учитывая неоднозначность ситуации, рассмотрим дизайн проведенного исследования через описание основных показателей генеральной совокупности, характеристик выборки и ее реализации.

1.1. ГЕНЕРАЛЬНАЯ СОВОКУПНОСТЬ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СЫКТЫВКАРА

Сыктывкар - это провинциальный, типичный средний город северо-запада России. Численность проживающего здесь населения составляет около 250 тысяч человек, или примерно четвертую часть всех жителей республики Коми, столицей которого и является наш город.

В социальных отношениях города запечатлены как уникальные вехи освоения российского Севера, так типичные для советских и постсоветских российских городов условия их становления. Остановимся лишь на основных характеристиках, которые будут нам полезны для понимания исследовательского проекта и результатов его реализации.

Основу экономики города составляет профильная для ресурсного региона промышленность – лесоперерабатывающая, а также отчисления от добывающих отраслей: угольной, нефтяной и газовой. Во многом благополучие горожан последнего десятилетия зависело от состояния дел в этих отраслях, от их способности компенсировать несостоятельность депрессивных предприятий обеспечивать, как и прежде, стабильную занятость и достойных заработок своим работникам. Сокращения 1994-96 годов на большинстве предприятий перерабатывающей промышленности (швейной и мебельной фабриках, механическом заводе и других) сказались на формировании слоя новых бедных и доле населения с доходами ниже прожиточного минимума.

В отличие от других городов республики Сыктывкар обладает также административным ресурсом, позволяющим разрывать современные распределительные сети и страховать от перипетий рыночной стихии. Но данное преимущество, по расчетам региональных экономистов, нивелируется показателями стоимости жизни и ситуацией в производстве. Таким образом, по рейтинговой оценке Сыктывкар занимает срединное положение из всех территорий республики (Лаженцев, Акопов, 2003: С. 157).

Чтобы поместить город в российский контекст, приведем также рейтинг республики по индексу человеческого развития (индексу развития человеческого потенциала)⁴ в России в целом (табл. 1.1.1).

³ В конце 60-х годов группа исследователей (под руководством Н.М. Римашевской) из Центрального экономико-математического института АН СССР провела первое исследование благосостояния, образа и уровня жизни городского населения в Таганроге. Данный город был выбран как типичный город Российской Федерации и проект был назван – Таганрог-1. В конце 70-х годов был осуществлен следующий проект – Таганрог-2 и в 1988-1989 годах – Таганрог-3 (Римашевская, 1991; Густафсон, Ниворожкина, 1994).

⁴ *Индекс человеческого развития* – комплексная сравнительная характеристика качества жизни населения, в которой отражаются величина ожидаемой продолжительности жизни, достигнутый уровень образования и

Таблица 1.1.1

Индекс развития человеческого потенциала в России и Коми

	Республика Коми	Россия
ВВП на душу населения по ППС, долл.	9088	6508
Ожидаемая продолжительность жизни	66,4	67,0
Доля учащихся в возрасте 7-24 лет, %	66,4	71,4
Индекс доходов	0,753	0,697
Индекс продолжительности жизни	0,690	0,700
Индекс образования	0,885	0,901
ИРЧП 1998 (ранг)	0,776 (11)	0,766
Справочно: ИРЧП 1997 (ранг)	0,770 (16)	0,766

x – явление не наблюдается (нулевая величина);

-- данных нет или не определены.

В конце девяностых годов республика Коми по индексу развития человеческого потенциала занимала 11 положение из 79 субъектов Российской Федерации в 1998 году и 16 – в 1997 г. Вклад в довольно высокий рейтинг вносят такие составляющие как ВРП на душу населения и индекс доходов. Однако по остальным показателям: ожидаемая продолжительность жизни, индекс образования – республиканские показатели несколько ниже общероссийских. И все же при всех негативных последствиях реструктуризации экономики ресурсный регион имеет преимущества по сравнению с другими российскими территориями. Посмотрим, как они отражаются на рынке труда и уровне жизни населения.

В таблице 1.1.2 основные показатели социально-экономического развития города приведены в сравнении с республиканскими и, где возможно - российскими.

Социально-экономическая ситуация в городе Сыктывкаре в целом отражает общероссийские тенденции в сфере занятости и уровне жизни. Особенностью, которую следует отметить особо – это меньшая доля населения старших трудоспособных возрастов и большей доле трудоспособного населения, что вызвано миграционными процессами в советское и настоящее время. По интегральному коэффициенту структурных различий в среднем доля одной из возрастных групп в Сыктывкаре отличается на 3,7% от доли соответствующей возрастной группы по России⁵.

И все же следует отметить ряд особенностей, которые важны для последующего анализа. Во-первых, растет доля бедных. Во-вторых, этот рост происходит на фоне значимых изменений в сфере занятости: сокращении доли занятых, изменении отраслевой структуры занятых и гендерных диспропорций.

доходы населения. Чем ближе значение указанного индекса к 1, тем выше развитие человеческого потенциала.

⁵ Рассчитано по формуле, приведенной в книге «Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М, 1998. С.25

**Основные социально-экономические показатели Республики Коми и Сыктывкаре
В 1992, 1995 и 2001 гг., % (в скобках данные – по женщинам)**

	1992 г.	1995 г.	2001 г.
<i>Численность постоянного населения, тыс.чел.</i>			
Коми		1185,3 (599,0)	1117,2 (561,3)
Сыктывкар		246,2 (128,2)	242,5 (128,0)
<i>По возрасту, % от общей численности:</i>			
Моложе трудоспособного			
Коми	27,8	24,6	19,2
Сыктывкар	24,5	23,4	19,0
Россия	24,3	22,9	19,3
В трудоспособном			
Коми	61,8	62,5	66,6
Сыктывкар	61,9	62,9	65,6
Россия	56,7	56,8	60,1
Старше трудоспособного			
Коми	10,7	12,9	14,3
Сыктывкар	13,6	13,2	15,1
Россия	19,0	20,3	20,6
<i>Уровень безработицы, % от эк. акт. нас</i>			
Коми	4,9	10,9	14,0
Сыктывкар	--	8,4	7,4
Россия	5,9	9,5	9,1
<i>Доля женщин среди занятых в экономике, %</i>			
Коми	50,2	50,7	51,5
Сыктывкар	--	--	--
Россия			
<i>Доля женщин среди безработных, %</i>			
Коми	54,3	49,2	48,8
Сыктывкар	48,9 ⁶	47,0	--
Россия	47,7	46,1	45,9
<i>Уровень зарегистрированной безработицы, %</i>			
Коми	1,6	5,6	2,9
Сыктывкар		4,1	1,5
Россия	1,1	3,3	1,6
<i>Доля женщин среди зарегистрированных безработных, %</i>			
Коми	67,9	59,9	65,7
Сыктывкар	--	50,8	60,0
<i>Доля населения с доходами ниже ПМ</i>			
Коми	--	19,2	24,5
Россия	--	25,0	27,6

х – явление не наблюдается (нулевая величина);

-- данных нет или не определены.

Рассчитано по: (1) Статистический ежегодник республики Коми. - Стат. сборник. Сыктывкар: Госкомстат РК, 2002.С.9; (2) Социально-экономическое положение городов и районов Республики в 1997 г. - Стат. сборник. Сыктывкар: Госкомстат РК, 1998; (3) Социально-экономическое положение городов и районов Республики в 2001 г. - Стат. сборник. Сыктывкар: Госкомстат РК, 2002; (4) Основные показатели деятельности отраслей экономики Сыктывкара. - Стат. бюллетень. Сыктывкар: Госкомстат РК, 2000; (5) Республика Коми в экономике России. Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат РК, 2003

⁶ 1993 год

Уменьшение численности занятых в 1992-2001 гг. стало основным фактором изменения отраслевой структуры занятости. Здесь наибольшие изменения претерпели: строительство (численность занятых уменьшилась в два раза), промышленность (уменьшение на 26%). С 1992 г. по 2000 г. значительное уменьшение численности промышленно-производственного персонала произошло в машиностроении и металлообработке, мукомольно-крупяной и промышленности строительных материалов. Падение численности занятых на предприятиях торговли компенсировалось ростом числа занятых индивидуально-трудовой деятельностью (ИТД) и по найму у отдельных граждан. Хотя отследить статистически точное количество занятых в этой сфере достаточно сложно из-за сокрытия данных о численности нанятых работников физическими лицами, занятыми ИТД. Существенно выросла численность занятых в органах управления (почти в два раза), в основном, за счет работников, обеспечивающих общественную безопасность.

В рамках регистрируемой занятости происходит определенная перегруппировка работающих мужчин и женщин по отраслям экономики, которая отражает, с одной стороны, общие процессы в распределении рабочей силы по отраслям в условиях реструктуризации экономики, а с другой, — меньшую конкурентоспособность женщин.

Традиционные для женщин сферы приложения труда – образование, здравоохранение, культура и искусство (доля занятых в них женщин – 80%) – мало оплачиваемые. К женским отраслям можно отнести и связь, торговлю и общественное питание, финансы, кредитование, страхование, до недавнего времени и органы управления. Но в последние годы шло вытеснение из этих сфер занятости представительниц женского пола и как результат – прирост доли мужчин в них. Это было вызвано наибольшим ростом оплаты труда работников этих отраслей.

В целом ситуацию на рынке труда города характеризуют следующие черты: сокращение доли занятых, рост удельного веса общей безработицы и снижение доли зарегистрированной. Также отмечен ряд гендерных диспропорций, которые, на наш взгляд, существенно влияют на профиль бедных различных категорий.

Вопреки прогнозам женской безработицы и пропаганду возврата женщины в семью, высоким остается уровень участия женщин в рабочей силе. По данным Госкомстата РК в 2001 году в Республике 52% женщин было занято (Статистический ежегодник РК, 2002), тогда как в 1990 году таковых было 48% (Женщины и мужчины РК, 2000: 43-46). Отчасти рост экономической активности женщин объясняет отраслевая и профессиональная реструктуризация, которая, по мнению исследователей, благоприятствовала более женщинам, нежели мужчинам: традиционно мужские отрасли тяжелой промышленности приходили в упадок, рос новый сектор услуг (Ашвин, 2000: 63). Официальная статистика, действительно, демонстрирует общее снижение численности занятых в промышленности и строительстве, а также перераспределение работников в пользу отраслей нематериальной сферы. Однако, согласно статистике женская мобильность по-прежнему ущербна: перемещение происходит в малооплачиваемые, типично женские отрасли экономики (народного хозяйства)⁷. В свою очередь гендерная динамика в отраслевой структуре занятых фиксирует более быстрое по сравнению с мужчинами выбывание женщин из промышленности и строительства – наиболее высокооплачиваемых отраслей, а также их преимущественное перетекание в торговлю, образование и здравоохранение, соответственно, менее оплачиваемые отрасли. Мужчины же продолжают сохранять долевое преимущество в материальном производстве и активно осваивают строительство, торговлю, финансы и управление.

⁷ Официальная статистика демонстрирует сферы преимущественной женской занятости: торговля, образование, культура, связь и кредитование, - отрасли с более низкой, по сравнению с остальными, средней заработной платой. Там, где оплата труда выше, там женщины получают гораздо меньше мужчин (Женщины и мужчины РК: 1988).

В последний год отмеченные выше тенденции сохранялись, поскольку не наблюдалось массовых сокращений, не было существенных колебаний в движении численности работников по отраслям, стабилизировалась ситуация с выплатами и загрузкой работников. Вместе с тем сохраняется серьезная проблема с низкой заработной платой, что обуславливает текучку кадров, особенно в строительстве и жилищно-коммунальном хозяйстве. В таблице 1.1.3 приведены данные о размере среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума. Если размер фактической средней заработной платы увеличился, то реальная заработная плата неуклонно снижается, о чем говорит ее соотношение с прожиточным минимумом.

Таблица 1.1.3

Динамика размера среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума в Республике Коми и Сыктывкаре, руб.⁸ (данные по Сыктывкару приведены в скобках)

	1997	1998	1999	2000
Среднемесячная заработная плата	1485 (1337)	1699 (1501)	2437 (2029)	3601 (3076)
Прожиточный минимум	411,2 (430)	493,3 (479)	907,8	1400
Соотношение среднемесячной заработной платы к величине ПМ	361	344	269	260

Данная ситуация отражается на доходах населения и росте численности населения за «чертой бедности».

Таким образом, социально-экономическая ситуация в городе Сыктывкаре в целом отражает общероссийские тенденции в сфере занятости и уровне жизни. Особенностью, которую следует отметить особо – это меньшая доля населения старших трудоспособных возрастов и большей доле трудоспособного населения, что вызвано миграционными процессами в советское и настоящее время.

1.2. ФОРМИРОВАНИЕ ВЫБОРКИ

Основу данного проекта составил социологический опрос домохозяйств города Сыктывкара. Ключевым информантом в домохозяйстве являлся основной кормилец – наиболее активный в поддержании материального достатка семьи. Это означает, что в одной семье, локализованной квартире или частном доме интервьюер опрашивал человека, приносящего больший доход. Опросник был составлен таким образом, чтобы фиксировать информацию по домохозяйству и по каждому члену домохозяйства отдельно.

Выборка была составлена так, чтобы представлять городское население и зарегистрированных бедных. Источником информации о генеральной совокупности городского населения стала компьютеризированная база данных адресов по избирательным участкам и регистр жилья Бюро технической инвентаризации города. Объем выборки для городского населения был рассчитан в объеме 1000 домохозяйств таким образом, чтобы представлять все группы населения, отличающиеся по уровню материального достатка. Кроме того, была сформирована подвыборка домохозяйств из числа зарегистрированных бедных: около 6 % от зарегистрированных в 2002 году, или 400 семей.

Из-за высокого числа отказов, зафиксированного на этапе пилотажа, размер выборки был увеличен и равен количеству домохозяйств, которые запланировано опросить, к которому прибавляется резерв на случай отказов. Если доля отказов в нашем случае составляет 40%,

⁸ Основные показатели деятельности отраслей экономики, январь-декабрь 2000. Сыктывкар: Статистический бюллетень №18-24-14/1. 2001

то соответственно выборка с размером в 1000 респондентов потребует посещения 1400 домохозяйств. Соответственно, для опроса 400 официальных бедных потребуется посетить 560 адресов целевой группы.

А. КЛАСТЕРИЗОВАННАЯ ВЫБОРКА

Если бы выборка в исследовании была простой случайной, интервьюерам пришлось бы передвигаться по всему городу в поисках домохозяйства. При этом в большинстве случаев, найденное ими домохозяйство либо не подошло бы по критерию бедности, либо вошло в категорию отказавшихся. Для того, чтобы предупредить подобную ситуацию, в основу настоящей выборки был положен принцип кластеризации. Этот принцип имеет ряд ключевых условий, которые должны неукоснительно соблюдаться в ходе отбора.

В. ПРИНЦИПЫ АГРЕГИРОВАНИЯ

Модель выборки, реализованная в настоящем исследовании, используется принцип кластеризации – группировки первичных единиц отбора. В ходе кластеризации необходимо соблюдать следующие правила:

1. ПЕО, объединяемые в один кластер, должны быть по возможности схожи друг с другом. Имеется ввиду схожесть структурного плана, акцентирующие демографические и иные характеристики отобранных единиц. Не рекомендуется, к примеру, соединять в одном кластере городские и сельские ПЕО, а также ПЕО, имеющие принципиально различные социальные характеристики, такие, например, как национальный состав. В нашем случае, опасность объединения принципиально различных ПЕО невелика: г. Сыктывкар в отличие от многих других городов, имеет относительно гомогенное население.
2. ПЕО должны быть территориально близки друг к другу. Очевидно, что критерий территориальной близости и первый критерий служат одной цели – создать кластер, максимально гомогенный в том, что касается его ключевых характеристик.
3. Собираемые вместе ПЕО должны иметь приблизительно одинаковый размер. Следует отметить, что это правило – наименее обязательное для конструируемых выборок.

С. ОКРУГА (MEASURE OF SIZE)

В нашем случае основой агрегирования избирательных участков была их принадлежность к избирательным округам. В каждом округе насчитывалось от 12 до 22 избирательных участков. С известным допущением округа имеют схожие размеры.

Таблица 1.2.1

№ округа	Количество избирателей	Число избирательных участков
1	33717	22
2	29668	14
3	26046	16
4	30536	16
5	23414	12
Эжвинский	41563	20
Всего	184944	100

В каждом округе реализуется принцип MOS (measure of size): количество домохозяйств в округе пропорционально его весу в населении. Эта зависимость может быть выражена следующей формулой:

$$N_o = V \times \frac{P_o}{P}$$

где,
 N_0 – численность домохозяйств в округе,
 V – размер выборки,
 p_0 – население округа,
 P – население города.

Соответственно, распределение выборки по округам будет выглядеть следующим образом.

Таблица 1.2.2

№ округа	Количество избирателей	Выборка по населению
1	33717	255
2	29668	225
3	26046	197
4	30536	231
5	23414	177
Эжвинский	41563	315
Всего	184944	1400

Д. ОТБОР ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Из каждого кластера (в нашем случае Избирательного округа) отбирается один или несколько ПЕО. При определении числа ПЕО, выбираемых из кластера, работают следующие правила:

- А) Число ПЕО не должно быть большим. В противном случае сводятся на нет все усилия по сокращению затрат на проведение полевых работ.
- Б) Целесообразно представлять каждый кластер более, чем одной единицей отбора. Это дает возможность более точно воспроизвести параметры той совокупности, которая образовалась вследствие группировки.

С учетом названных правил, в ходе конструирования настоящей выборки из каждого кластера отбирались два ПЕО, то есть два избирательных участка. Отбор ПЕО внутри кластера распался на следующие основные этапы:

- а. **Вычисление нарастающего (кумулятивного) итога.** Все избирательные участки были расположены в порядке убывания населения, проживающего в них. В соседней колонке в каждой строке суммировалось население, проживающее в участках расположенных выше.
- б. **Определение шага отбора.** Следовало отобрать два участка из тех, которые представлены в кластере. Для этого вычислялся шаг отбора по следующей формуле:

$$h = \frac{N_0}{2}$$

где
 h – шаг отбора,
 N_0 – население округа.

- а. **Отбор участков.** Далее отбирались участки по следующим формулам:

$$D_o = \frac{h}{3}$$

Первым из отбираемых участков был тот, кумулятивное население которого, соответствовало полученной цифре. Второй участок выбирался следующим образом:

$$D_2 = \sum (D_1 - 1) + h$$

К нарастающему итогу по избирательным участкам, расположенным на одну строку выше уже отобранного, прибавлялся уже известный шаг. Полученное число сопоставлялось с нарастающим итогом избирательных участков, находящихся ниже уже отобранного. Отбирался тот, который приблизительно соответствовал полученной цифре.

Е. ОТБОР РЕСПОНДЕНТОВ ВНУТРИ ПЕО

Как уже говорилось выше, основным объектом отбора в настоящем исследовании являлось домохозяйство. Численность домохозяйств, приходящаяся на одно ПЕО, вычислялась путем деления общего числа домохозяйств в кластере на 2. Для отбора домохозяйств внутри избирательного участка вычислялся шаг отбора:

$$h_d = \frac{V_d}{P_d}$$

где,

h_d – шаг отбора,

V_d – доля выборки, приходящаяся на данный участок,

P_d – численность домохозяйств в данном избирательном участке.

Отбор первого домохозяйства производится посредством генерирования случайной цифры, лежащей в интервале от 1 до 10. Далее к этой цифре прибавляется шаг и, таким образом отыскивается нужное домохозяйство.

1.3. РЕАЛИЗАЦИЯ ВЫБОРКИ

На первых этапах проведения обследования и реализации выборки интервьюеры помимо большого числа отказов столкнулись еще с одной серьезной проблемой достижимости респондента – во многих домах в подъездах установлены кодовые замки. В результате временные затраты поля оказались значительно выше предполагаемых. Снижение результативности посещений существенно увеличивали трудозатраты. Интервьюер терял время на ожидание, затем, все-таки попав в подъезд, в котором согласно критериям выборки проживает лишь от 3 до 5 потенциальных респондентов, он мог застать квартиру пустой. Чтобы сократить неоправданно высокие временные издержки на проведение обследования, было принято решение изменить шаг выборки. Если по адресу, значащемуся в списке интервьюера, застать дома никого не удавалось, а также в случае отказа, интервьюер должен был идти далее в первое по счету домохозяйство, если же интервью состоялось, то следующий адрес в его маршруте отбирался уже с учетом заданного шага.

В результате совмещения двух критериев отбора респондента: по домам и по участкам, - численность опрошенных несколько увеличилась из-за необходимости пройти все адреса (дома) отобранных для опроса участков.

По окончании опроса мы провели анализ репрезентативности выборки с точки зрения представительства типов домов, количества проживающих в них, а также групповых распределений по полу и возрасту.

А. ОЦЕНКА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ВЫБОРКИ

Чтобы проверить насколько изменение правил опроса повлияло на результаты исследования, была построена гипотетическая выборка, соответствующая первоначальным параметрам реализации проекта. Критерием для сравнения двух выборок: реализованной и гипотетической, - послужил тип дома, в котором проживает респондент.

В таблице 1.3.1 представлено распределение данных в выборках по различным типам домов.

Таблица 1.3.1

Сравнение структур реализованной выборки и гипотетической выборки по типу дома, %

Тип дома	Реализованная выборка*	Гипотетическая выборка*	Отклонение
Кирпичный (панельный) многоквартирный дом	76,8	75,9	0,9
Деревянный многоквартирный дом	7,1	9,7	-2,6
Кирпичное (панельное) общежитие	6,5	8,2	-1,7
Деревянное общежитие	1,7	0,8	0,9
Частный (индивидуальный) дом, 2-4 квартирный деревянный дом	7,9	5,4	2,5
Итого	100,0	100,0	

* Число ответов плюс число отказов, так как число отказавшихся, проживающих в определенных типах домов, заранее неизвестно.

Отклонения данных по реализованной выборке и гипотетической выборке не превышают допустимых 3%.

Далее, сравним полученные данные с генеральной совокупностью (генеральная совокупность – все население г. Сыктывкара):

Таблица 1.3.2.

Сравнение структур генеральной совокупности и реализованной выборки по типу дома, %

Тип дома	Генеральная совокупность*	Реализованная выборка**	Отклонение
Кирпичный (панельный) многоквартирный дом	69,5	71,5	-2,0
Деревянный многоквартирный дом	9,6	9,4	0,2
Кирпичное (панельное) общежитие	10,4	8,0	2,4
Деревянное общежитие	2,7	2,1	0,6
Частный (индивидуальный) дом, 2-4 квартирный деревянный дом	7,8	9,0	-1,2
Итого	100,0	100,0	

* % проживающих от всего населения г. Сыктывкара. Источник информации: От деревянного Парижа к панельной Орбите. Модель жилищных классов Сыктывкара. Сыктывкар, 1999: 19.

** Число ответов; с перерасчетом по корректировке домов 4,5,6 типов.

Все отклонения также в пределах допустимых 3%.

Полученные результаты показывают, что, во-первых, существенных смещений в результате изменения параметров проведения исследования нет, а во-вторых, говорит о соответствии реализованной выборки генеральной совокупности по критерию тип дома.

Оценим, насколько данные выборки соответствуют данным генеральной совокупности по таким основным критериям, как возраст и пол.

Таблица 1.3.3

**Оценки процентного распределения по возрасту и полу
в выборочной и генеральной совокупностях**

Возрастная группа	Мужчины		Женщины	
	Генеральная совокупность*	Выборка	Генеральная совокупность*	Выборка
0-16	22,6	24,2	19,3	18,3
17-29	22,7	25,0	22,8	24,5
30-35	10,3	9,1	8,2	7,9
36-49	24,4	19,7	22,9	21,9
50-55	7,8	8,8	8,5	9,1
56-69	9,4	9,9	11,8	12,2
70 и старше	2,8	3,3	6,5	6,1
Всего	100	100	100	100

* Данные государственной статистики на 01.01.2002 г.

Несмотря на то, что расхождения значений выборки с данными Госкомстата в некоторых группах возрастов превосходят допустимые 2%, говорить о наличии существенных смещений нельзя.

В. НЕОТВЕТЫ

Классификация неответов дает более детальную информацию о качестве опроса. Ошибочные адреса в фрейме (нежилое помещение, незаселенное жилое помещение, несуществующий адрес) исключены из количества использованных в исследовании действительных адресов. Процент ошибок в выборочном фрейме (т.е. отношение количества ошибочных адресов к общему числу адресов) незначителен – 0,3%.

В таблице 1.3.4 приведены данные по структуре неответов:

Таблица 1.3.4

Причины неответов в настоящем исследовании

Тип дома	Количество	% от общего количества неответов	% от числа ответов
Опрошен	1034		
Отказ	409	28,2	39,6
Респондент не доступен (нет дома, пьян и т.д.)	951	65,5	92,0
Адрес не достижим (закрытый подъезд, злая собака)	91	6,3	8,8
Итого	1451	100,0	140,3

С. ОТКАЗЫ

Число отказов от исследования к исследованию, к сожалению, возрастает. По сравнению с исследованием, проводимым в 1998 г., их количество возросло практически в 2 раза выше, однако все же соответствует предполагаемому (реальный процент – 39,6%, предполагаемый – 40%). Ни один из способов поощрения участия респондентов не применялся. Предварительная договоренность по телефону не использовалась. Одной из причин высокого уровня отказов является и то, что по времени проведения опрос совпал с обследованиями предвыборной ситуации в республике. При первичном отказе от участия в опросе в целях экономии времени дальнейших попыток договориться не предпринималось.

В ходе обследования выявилась еще одна достаточно серьезная причина неучастия респондента в анкетировании – недостижимость адреса (закрытый подъезд, злая собака), повлиявшая на изменение первоначальных параметров реализации выборки. Процент данного вида неответов от числа опрошенных составляет 8,8%.

Практика показывает, что наибольшие трудности получения интервью возникают при обследовании состоятельных слоев населения. Реально предположить зависимость уровня отказов от типа дома и благоустройства квартиры потенциального респондента. Ниже в таблиц представлено данные реализованной выборки по указанным критериям.

Таблица 1.3.5

Процент отказов в различных типах домов

Тип дома	Число ответов	Число отказов	Процент отказов от числа ответов
Кирпичный (панельный) многоквартирный дом	685	361	52,7%
Деревянный многоквартирный дом	97	6	6,2%
Кирпичное (панельное) общежитие	83	11	13,3%
Деревянное общежитие	22	2	9,1%
Частный (индивидуальный) дом, 2-4 квартирный деревянный дом	93	21	22,6%
Итого	980	401	40,9%

Таким образом, горожане, проживающие в благоустроенных квартирах кирпичных или панельных многоквартирных домов, реже поддаются уговорам дать интервью, чем жители неблагоустроенных индивидуальных деревянных домов. Наиболее активно участвует в анкетировании население деревянных многоквартирных домов и кирпичных (панельных) общежитий. Однако влияние данного фактора было минимизировано в результате добавления такого критерия как тип дома.

ГЛАВА 2. СТАТИСТИЧЕСКАЯ БЕДНОСТЬ В РЕГИОНЕ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Прежде чем перейти к анализу результатов социологического опроса рассмотрим данные официальной статистики о динамике численности населения с доходами ниже прожиточного минимума (статистических бедных). Тем самым обозначим пространство бедности, измеряемой официальными инстанциями согласно принятым в нашей стране правилам. О принципах и методике расчета прожиточного минимума и показателей бедности в России написано не мало работ (Бедность, 1998). Мы лишь отметим, что официально принятой является модель абсолютной бедности, отличающейся рядом черт. Во-первых, определением бедности как состояния нехватки или отсутствия дохода для обеспечения самого необходимого. Во-вторых, измерением прожиточного минимума через вычисление минимальных потребностей, необходимых для жизни, на основании экспертных оценок минимальных норм потребления и их сопоставления с потребительской корзиной низших слоев населения. В-третьих, признанием бедными той части населения, доходы которой ниже прожиточного минимума. При всей сложности и спорности реализации «абсолютных» методик в нашей стране, они позволяют обозначить поле социальной политики.

2.1. СТЕПЕНЬ И МАСШТАБЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ БЕДНОСТИ

Получить представление о неравенстве в распределении денежных доходов позволяет система показателей абсолютной бедности, рассмотренных в динамике (табл. 2.1.1).

Из таблицы 2.1.1 видно, что динамика приведенных показателей имеет две основные тенденции. *Первая тенденция:* с 1993 по 1997 гг. В Республике Коми наблюдалось не только снижение уровня, но и глубины, и остроты бедности. Глубина бедности уменьшилась почти в полтора раза - с 7,2 % в 1993 г. до 4,9 % в 1997 г. В среднем доход бедного был всего на 4,9 % ниже прожиточного минимума. Острота бедности уменьшилась на 36 %. Таким образом, за данный период времени дифференциация доходов среди бедного населения постоянно снижалась и доходы бедных приближались к величине прожиточного минимума. Если использовать критерий оптимальности Дж. Ролза, то с уменьшением численности бедных (почти в 1,5 раза) и сокращением дифференциации их доходов общественное благосостояние в республике в 1997 г. несколько улучшилось. Соответственно, для дальнейших шагов по оказанию социальной помощи бедным, в бюджет республики на эти цели понадобилось бы заложить гораздо меньшую сумму денежных средств. Гипотетически, если бы правительство решило в 1998 г. довести доходы всех бедных до прожиточного минимума, на эти цели ему понадобилось бы 28 млн. рублей (в реальном выражении с учетом ИПЦ данная сумма составляет 69% по отношению к базовому 1993 г.).

Изменение показателей абсолютной бедности в Республике Коми⁹

Показатели	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Порог бедности (ПМ), руб.	28,2	120,9	356,4	477,5	473,4	528,8	923,3	1486,4
Масштаб бедности, тыс. чел.	272,1	223,5	229,2	238,3	194,9	197,5	251,9	332,6
Уровень бедности, в % ко всему населению	22,0	18,4	19,2	20,2	16,7	17,1	22,1	29,5
Порог нищеты (1/2 ПМ), руб.	14,1	60,45	178,2	238,75	236,7	264,4	461,7	743,2
Масштаб нищеты, тыс.чел.	71,70	44,01	32,95	36,08	36,04	37,87	52,65	72,9
Коэффициент нищеты, в % к бедному населению	26,3	19,7	14,4	15,1	18,5	19,2	20,9	21,9
Уровень нищеты, в % ко всему населению	5,8	3,6	2,8	3,1	3,1	3,3	4,6	6,5
Дефицит дохода, млн. рублей в месяц	2,57	8,00	22,64	32,36	28,26	32,5	73,9	161,6
- в % к общему объему доходов	2,91	2,33	2,59	2,78	1,92	1,97	3,05	5,16
- в реальном выражении (в % к 1993г. с учетом ИПЦ)	100	89,7	92,8	87,2	68,8	65,3	86,8	160,2
Индекс глубины бедности	7,2	5,2	5,0	5,5	4,9	5,1	6,8	9,4
Индекс остроты бедности	0,033	0,021	0,019	0,022	0,021	0,022	0,030	0,042
Покупательная способность денежных доходов бедного населения, %	67,4	71,9	73,9	73,0	71,0	70,3	69,3	68,0

Рассчитано по: данные Госкомстата РК

Вторая тенденция: с 1998 г. по 2000 г. уровень бедности вновь повышается, в абсолютном и относительном выражении увеличивается нищета. Почти в два раза увеличилась глубина бедности (“отрыв” среднего дохода бедного от черты бедности с 4,9 % в 1997 г. возрос до 9,4 % в 2000 г.). Острота бедности увеличилась в два раза (с 0,021 в 1997 г. до 0,042 в 2000 г.). Соответственно, для оказания помощи бедным опять возникает необходимость в увеличении суммы денежных средств. Дефицит дохода, то есть общая сумма, необходимая для доведения доходов бедных до величины прожиточного минимума в реальном выражении (в % к базовому 1993 г., с учетом ИПЦ), увеличилась с 68,8 % в 1997 г. до 160,2 % в 2000 г. Если в 1997 г. дефицит дохода общем объеме денежных доходов составлял 1,92 %, то в 2000 г. он увеличился в 2,7 раза и стал

⁹ *Степень бедности* - отношение численности имеющих среднедушевой доход ниже прожиточного минимума ко всему населению;

Порог (черта) бедности - доход, обеспечивающий потребление на уровне прожиточного минимума;

Масштаб бедности - численность семей, имеющих доход ниже прожиточного минимума.

Порог нищеты – доход, не превышающий 50% порога бедности.

Масштаб нищеты - численность семей, имеющих среднедушевой доход ниже 50% от величины прожиточного минимума.

Степень нищеты - отношение численности нищих к численности бедного населения. *Дефицит дохода* - суммарное значение дохода, необходимое для повышения доходов лиц, имеющих среднедушевой доход ниже прожиточного минимума, до величины прожиточного минимума.

Индекс глубины бедности (или индекс степени обеднения) - среднее отклонение доходов бедных семей от величины прожиточного минимума. Выражается величиной суммарного дефицита дохода (то есть суммой денежных средств, необходимой для того, чтобы среднедушевой доход всех бедных семей достиг черты бедности), соотношенной с общим числом семей.

Индекс остроты (жесткость) бедности - средневзвешенное отклонение доходов бедных семей от величины прожиточного минимума. Выражается величиной суммарного квадратического дефицита доходов, соотношенного с общим числом семей.

составлять 5,16 %. Гипотетически, если бы правительство решило в 2001 г. довести доходы всех бедных до прожиточного минимума, на эти цели ему понадобилось бы 162 млн. рублей (в реальном выражении с учетом ИПЦ данная сумма составляет уже 160 % по отношению к базовому 1993 г.).

2.2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ БЕДНОСТИ

Рассмотрим, какие социально-экономические факторы влияют на динамику статистической бедности в республике Коми за 1992-2000 гг. При этом в качестве показателей бедности будут рассмотрены следующие агрегированные показатели: количество бедных, глубина бедности, острота бедности и показатель Фостера-Грира-Торбека.

Индекс Джини (G) – показатель концентрации доходов

Индекс численности бедных (H)

$$H = \frac{q}{n},$$

где q количество бедных при общей численности населения n .

Индекс глубины бедности или «дефицит расходов» (**PG**)

$$PG = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^q \left(1 - \frac{y_i}{z}\right),$$

где y_i - объемы потребления бедных, а z - черта бедности

Коэффициент дефицита доходов (I)

$$I = 1 - \frac{\mu^z}{z}, \text{ или } I = \frac{PG}{H},$$

где μ^z - средний доход бедных

Показатель Фостера-Грира-Торбека или жестокость бедности (P_2)

$$P_2 = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^q \left(1 - \frac{y_i}{z}\right)^2, \text{ или } P_2 \approx \frac{PG^2}{H}$$

Индекс Сена («острота бедности»)

$$P_s = PG + (H * k - PG)G$$

где $k = q/q + 1$, а G - индекс Джини

Значения показателей приведены в таблице 2.2.1. Обращает на себя внимание высокие значения индекса глубины бедности в 1993 и 1998 гг. (7,23 и 8,31, соответственно). Этот показатель отражает среднее расстояние, на котором находятся бедные относительно черты бедности. Весьма значительным в 1998 г. является и показатель Фостера-Грира-Торбека равный 4,04. Он определяется как взвешенная сумма значений глубины бедности в пропорции от черты бедности и характеризует дифференциацию доходов бедного населения. Отметим важное свойство аддитивности, которое присуще данному показателю.

Показатели бедности в Республике Коми

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Коэффициент Джини (G)	0,358	0,427	0,373	0,338	0,347	0,398	0,394	0,391	0,381
Индекс численности бедных (H)	0,160	0,220	0,184	0,192	0,202	0,167	0,171	0,226	0,295 0,250*
Индекс глубины бедности (PG) (в %)	4,48	7,23	5,34	5,32	5,75	5,06	8,31	6,91	6,00
Коэффициент дефицита доходов (I)	0,280	0,329	0,290	0,277	0,285	0,303	0,486	0,306	0,203
Средний доход бедных μ^z (руб. в мес.)	2203,2	18,9	85,8	257,6	314,4	330,0	271,8	640,8	1184,6 1006,9*
Показатель Фостера-Грира-Торбека (P_2 , %)	1,25	2,38	1,55	1,47	1,63	1,53	4,04	2,11	1,22 1,44*
Индекс Сена (P_s , %)	8,60	13,54	10,21	10,01	10,76	9,69	11,77	13,04	15,19 13,24*

* Пересчитано в величине прожиточного минимума по методике 1992-1999 гг.

Важно заметить, что в 2000 г. состоялся переход к новому порядку определения прожиточного минимума, который установил более высокие (в среднем на 15%) минимальные объемы потребления в сравнении с аналогичными показателями рассчитанными в 1992-1999 гг. Поэтому для сопоставимости данных в нашем анализе для некоторых показателей бедности за 2000 год приведена их оценка, если бы они были рассчитаны по старой методике. К примеру, доля численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, рассчитанного по новой методике, в 2000 году составила 29,5 %. Однако если за величину прожиточного минимума в 2000 г. принять уровень, рассчитанный по старой методике, то численность населения с доходами ниже этого уровня в 2000 года составит примерно 25%.

Для тестирования с помощью линейной регрессии факторов влияния на рост статистической бедности были использованы следующие показатели:

Структуры доходов населения

- Доля заработной платы в доходах населения
- Соотношение удельного веса зарплаты к доходам от предпринимательства

Показатели занятости

- Уровень официально зарегистрированной безработицы
- Доля занятых среди экономически активного населения
- Удельный вес женщин среди занятых в экономике
- Отношение среднемесячной заработной платы работников образования к денежным доходам населения (в месяц на чел.)

Демографические показатели

- Младенческая смертность
- Продолжительность жизни

Расходы на социальную сферу

- Отношение расходов правительства к расходам внебюджетных фондов на социальную сферу

- Удельный вес расходов правительства на социальную сферу в целом в Валовом региональном продукте
- Доля расходов правительства на социальную политику в бюджете республике

Выбор этих показателей был обусловлен общей направленностью изменений, связанных с развалом прежней системы жизнеобеспечения, основанной на централизованном распределении, и становлением новой – характеризующейся «слабой» социальной политикой, снижением расходов на социальную сферу, перенесением центра деловой активности из производства в домохозяйство. Кратко рассмотрим как проявляются в выбранных показателях отмеченные выше особенности.

С начала 90-х годов снижается доля *заработной платы* в структуре денежных доходов населения: с 72% в 1992 году до 48,6% в 2001 году (табл. 2.2.2). Для сравнения: аналогичный показатель в структуре денежных доходов развитых стран, например, в Германии, составляет 58%, в США – 71, Японии – 94 (Экономическая безопасность РК, 2003: 50). Снижение роли оплаты труда в обеспечении населения напрямую связано с ростом статистической бедности. Что касается *социальных трансфертов*, к которым относят пенсии, пособия, стипендии и прочие выплаты), то их удельный вес в общем объеме денежных доходов снижается с 11,1% в 1993 году до 10,8% в 2001 году, а относительно ВРП – с 6,4 до 6%. Таким образом, они не могут компенсировать снижение удельного веса заработной платы. Обратная ситуация наблюдается с доходами от *предпринимательской деятельности*¹⁰. Их доля на протяжении последнего десятилетия неуклонно росла и составила 38,7% от всего объема личных денежных доходов в 2001 году.

Таблица 2.2.2

Структура доходов населения Республики Коми, %*

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
<i>Доходы – всего</i>	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
заработная плата	72,0	72,1	67,6	58,1	64,4	51,7	46,5	47,8	53,6	48,6
социальные трансферты	8,8	11,1	12,5	11,4	14,3	12,5	12,9	12,6	11,3	10,8
Доходы от собственности	0,6	2,0	4,0	5,1	3,1	3,7	3,1	3,2	3,1	1,9
Доходы от предпринимательства	18,6	14,8	15,9	25,4	18,2	32,1	37,5	36,4	32,0	38,7
Соотношение удельного веса зарплаты к доходам от предпринимательства	3,87	4,87	4,25	2,25	3,53	1,61	1,24	1,31	1,67	1,26

Источник: Условия жизни населения в Республике Коми. Аналитическая записка. Сыктывкар: Госкомстат РК, 2001

Структура доходов населения – яркий показатель изменения системы жизнеобеспечения населения. В ней явно виден сдвиг в сторону альтернативных заработной плате источников дохода. Во многом такой крен – отражение ситуации на рынке труда. В таблице 2.2.3 приведены основные характеристики рынка труда, использованные регрессионной модели

¹⁰ Следует отметить, что в этот показатель включены также доходы от так называемой «скрытой оплаты труда»

Таблица 2.2.3

Показатели социально-экономического развития республики Коми

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
<i>Структура доходов</i>									
Доля заработной платы в доходах населения	72,0	72,1	67,6	58,1	64,4	51,7	46,5	47,8	53,6
Соотношение удельного веса зарплаты к доходам от предпринимательства	3,87	4,87	4,25	2,25	3,53	1,61	1,24	1,31	1,67
<i>Показатели занятости</i>									
Уровень зарегистрированной безработицы	1,3	1,7	4,7	5,8	5,2	6,3	6,1	4,3	2,7
Доля занятых среди экономически активного населения	96,7	94,9	91,0	88,3	88,8	85,9	82,5	83,3	87,4
Удельный вес женщин среди занятых в экономике	50,2	50,9	51,7	50,7	50,5	51,8	52,4	51,9	52,9
Отношение среднемес. зарплаты работников образования к денежным доходам населения	83,1	87,3	76,5	64,1	79,1	63,9	66,2	52,2	54,8
<i>Демографические показатели</i>									
Младенческая смертность (на 1000 родившихся)	17,3	18,8	21,4	25,3	16,9	16,7	16,9	16,7	13,0
Продолжительность жизни	66,0	62,5	61,1	61,7	63,8	65,6	66,4	65,9	64,6
<i>Расходы на социальную сферу</i>									
Отношение расходов правительства к расходам внебюджетных фондов на социальную сферу	43,5	94,6	73,3	88,7	104,1	100,4	76,1	69,5	64,5
Удельный вес расходов правительства на социальную сферу в ВРП	6,2	9,4	7,9	7,4	9,9	10,4	7,4	6,2	
Доля расходов правительства на социальную политику	1,0	1,88	1,84	3,32	4,0	4,27	4,11	4,42	4,8

Они отражают основные тенденции, которые уже обсуждались в первой главе при описании ситуации в городе: рост общей безработицы, более высокий удельный вес женщин среди занятых, низкая заработная плата в бюджетных отраслях экономики. В качестве показателя низкой оплаты работников бюджетных отраслей в таблицу 2.2.3 включен индекс отношения среднемесячной заработной платы работников образования к денежным доходам населения в среднем в месяц. Здесь выбрано образование, так как уровень среднемесячной зарплаты в этой отрасли соответствует медианному значению по всем отраслям бюджетной сферы. Этот показатель достаточно хорошо отражает реальную картину увеличения неравенства в доходах среди занятых в бюджетных отраслях и иных организациях. Увеличение этого неравенства (сокращение индекса) свидетельствует об отставании роста дохода бюджетников от роста доходов населения в целом. Наконец, в модель были включены показатели демографической ситуации: продолжительность жизни и коэффициент младенческой смертности (Условия жизни, 2001). Яркой характеристикой изменений в системе распределения в целом является доля социальных расходов в Валовом региональном продукте. Именно этот показатель

является важнейшим критерием модели благосостояния региона (Акопов, Гаджиев, 1998). Структура социальных расходов в Коми имеет две составляющие: расходы правительства, отраженные в консолидированном бюджете, и расходы внебюджетных фондов (пенсионный фонд, фонд социального страхования, фонд обязательного медицинского страхования и фонд занятости). Как видно из таблицы 2.2.3, с 1992 по 1996 гг. доля расходов правительства в соотношении с расходами внебюджетных фондов постепенно возрастала с 43,5% до 104,1%. Но, начиная с 1997 г. пропорции изменились в сторону увеличения расходов внебюджетных фондов, что обусловлено сокращением в целом правительственных расходов на социальную сферу. В течение 90-х годов общие социальные расходы сократились с 19,4 до 12,8% ВРП. По мнению региональных экономистов, это очень низкий показатель. Они считают, что верхним пределом социальных расходов для республики является 26% от ВРП, а нижним – 22% согласно оптимальной модели благосостояния (Лаженцев, Акопов, ред., 2003: 60-61). Какими бы ни были оценки ситуации, ясно одно, что от советской системы распределения, где расходы на социальную сферу были весьма внушительными, мы перешли к другой крайности в распределении. Причем сворачивание этого канала перераспределения компенсируется не ростом доходов от оплачиваемой занятости, а доходами от предпринимательства и скрытой оплаты труда.

2.3. МОДЕЛИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ БЕДНОСТИ

В качестве основного инструмента для проверки гипотез о зависимости между выбранными факторами и показателями бедности мы использовали линейные регрессионные модели. Степень значимости или влияния фактора определялась значимостью его оценки в построенных моделях. В общем виде линейная регрессионная модель имеет вид:

$$y = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + \dots + a_nx_n,$$

где y – зависимая переменная (отклик), x_i – определяющие переменные (факторы), a_i – оценки соответствующих коэффициентов.

На первоначальном этапе, проверим гипотезу о значимом влиянии всех выбранных социально-экономических индикаторов на индекс численности бедных.

Как показывает проведенный анализ (включение и исключение переменных из модели) наиболее значимым ($R^2=0,997$) оказывается зависимость индекса численности бедных от показателей занятых в экономике, удельного веса женщин среди них, доли расходов правительства на социальную сферу в ВРП и продолжительности жизни (табл. 2.3.1). Примечательно, что уменьшение такого показателя как удельный вес расходов правительства на социальную сферу в ВРП в текущем году в значительной степени (значимость равна 0,002) оказывает влияние на увеличение численности бедных в следующем году. Второй, по значимости влияния, переменной в этой модели является доля занятых ($|Beta|=0,575$). Влияние этого показателя можно проинтерпретировать как уменьшение индекса численности бедных с ростом доли занятых среди экономически активного населения.

На увеличение доли статистической бедности влияет и рост доли занятых женщин. В данном случае сказывается крайне низкая заработная плата работающих женщин, которая в среднем на 30% ниже оплаты труда мужчин в аналогичных секторах и отраслях экономики. В данной модели также прослеживается невысокая значимость продолжительности жизни (значимость равна 0,15) и константы (0,519), что свидетельствует о необходимости исключения из модели этого показателя.

Таблица 2.3.1

Линейная регрессионная модель для индекса численности бедных

$R^2=0,997$

	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients		t	Sig.
	B	Std. Error	Beta			
Константа	10.393	13.404		.775		.519
Удельный вес женщин среди занятых	1.435	.165	.420	8.681		.013
Удельный вес расходов правительства на социальную сферу в ВРП (за прошлый год)	-1.975	.086	-1.113	-22.943		.002
Соотношение удельного веса зарплаты к доходам от предпринимательства	.762	.238	.377	3.205		.085
Доля занятых	-.410	.098	-.575	-4.174		.053
Продолжительность жизни	-.223	.098	-.155	-2.283		.150

Получаемая модель (табл. 2.3.2) имеет достаточно высокую степень значимости ($R^2=0,99$). Однако при этом уменьшилась значимость соотношение удельного веса зарплаты к доходам от предпринимательства (0,152), доли занятых (0,109) и константы (0,643). Все эти значения превышают 0,05, что свидетельствует в пользу исключения этих переменных из модели.

Таблица 2.3.2

Линейная регрессионная модель для индекса численности бедных

$R^2=0,99$

	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients		t	Sig.
	B	Std. Error	Beta			
Константа	-8.426	16.389		-.514		.643
Удельный вес женщин среди занятых	1.332	.247	.390	5.402		.012
Удельный вес расходов правительства на социальную сферу в ВРП (за прошлый год)	-1.920	.128	-1.082	-14.990		.001
Соотношение удельного веса зарплаты к доходам от предпринимательства	.699	.366	.346	1.908		.152
Доля занятых	-.301	.133	-.421	-2.261		.109

Исключив незначимые переменные, мы получаем новую модель (табл. 2.3.3). Как следует из таблицы, эта модель, при высокой значимости включенных переменных, дает достаточно хорошее описание их взаимосвязи с индексом численности бедных ($R^2=0,973$).

Таблица 2.3.3

Линейная регрессионная модель для индекса численности бедных

$R^2=0,973$

	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients		t	Sig.
	B	Std. Error	Beta			
Константа	-34.275	13.159		-2.605		.048
Удельный вес женщин среди занятых	1.330	.258	.389	5.147		.004
Удельный вес расходов правительства на социальную сферу в ВРП (за прошлый год)	-1.753	.134	-.988	-13.060		.000

Интерпретируя модель, можно с высокой степенью вероятности сказать, что рост удельного веса женщин среди занятых способствует увеличению численности бедных. Таким образом, можно заключить, что модель, описанная в таблице 2.3.4, является наилучшей для интерпритации зависимости индекса численности бедных от социально-экономических показателей.

Рассмотрим в качестве зависимой переменной другие показатели бедности. Проведенный анализ показывает, что единственно значимыми получаются только те модели, в которых зависимой переменной является показатель Фостера-Грира-Торбека. При этом наилучшей по уровню значимости ($R^2=0,916$) является модель описанная в таблице 2.3.4. Из таблицы видно, что вклад всех включенных в модель факторов является значимым ($\text{Sig}<0,5$). Интерпритируя эту модель, можно отметить, что на увеличение жестокости бедности наибольшее влияние оказывает уменьшение удельного веса заработной платы в доходах населения.

Таблица 2.3.4

Линейная регрессионная модель для показателя Фостера-Грира-Торбека

$R^2=0,916$

	Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	t	Sig.
	B	Std. Error			
Константа	28.353	8.481		3.343	.029
Отношение среднемес. зарплаты работников образования к денежным доходам населения	.171	.029	2.446	5.802	.004
Удельный вес заработной платы в доходах населения	-.302	.053	-3.510	-5.730	.005
Уровень безработицы	-.413	.126	-.905	-3.290	.030
Продолжительность жизни	-.290	.107	-.671	-2.720	.053

Таким образом, наблюдаемый в регионе рост статистической бедности связан низкой долей заработной платы в личных доходах населения, обусловленной негативными тенденциями в сфере занятости и социального распределения. Рост общей безработицы, на наш взгляд, только часть проблемы. Наиболее серьезные причины роста населения с доходами ниже прожиточного минимума – это низкая заработная плата в ряде отраслей, особенно феминизированных. Негативные тенденции в оплате труда проявляются в изменении структуры доходов населения, где при снижении доли оплаты труда и социальных трансфертов повышается доля доходов от предпринимательства и скрытой оплаты труда. Иными словами, население самостоятельно вырабатывает механизмы социальной защиты и непродуманный уход государства из этой сферы может привести к непредсказуемым последствиям.

Рассмотрим, каким образом в данных условиях действует система социальной поддержки.

ГЛАВА 3. ОФИЦИАЛЬНАЯ БЕДНОСТЬ: СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ

В условиях трансформации советского общества апелляция к проблеме бедности стала распространенным явлением. По существу, происходит своеобразное соперничество между различными инстанциями за право определения масштабов бедности, описания и объяснения круга проблем, выпавших на долю социальной группы, жизнь которой, по сути, сводится к выживанию. Политики, работники органов социальной защиты, ученые и журналисты представляют различные аналитические конструкции бедности. Их рассуждения не только демонстрируют реальность, но и конструируют ее. Теоретическое и стратегическое знание оказывается тесно взаимосвязанным друг с другом внутри специфической политики управления бедностью. Иными словами, параллельно с утверждением национального рынка труда сегодня в России и ее регионах формируется бедность как проблема и объект администрирования, подобно тому как в XIX веке с распространением наемного труда разворачивалась война с пауперизмом (Dean, 1991:1-2) и складывался образ паупера. Идет поиск критериев определения числа бедных и достойных помощи (“достойных бедных”) - особого слоя социальных агентов, формируемых законодательством и практикой социальной политики в условиях ограниченных возможностей.

В Республике Коми таким конструирующим началом стала пилотная программа помощи бедным семьям, разработанная учеными Центрального экономико-математического института РАН (ЦЭМИ) и Компанией социальных технологий (СОТЕКО). Она реализовалась в республике с 1997 по 2001 гг. и являлась одной из трех новых методик определения нуждаемости и оказания помощи, пилотировавшихся в различных регионах России при финансовой поддержке Мирового Банка. В отличие от принятой ранее в России практики все три новые методики были ориентированы на ограничение масштабов социальной помощи, избирательный (адресный) подход в оказании поддержки и использование концепции относительной бедности в расчетах числа нуждающихся. Одним из оснований для включения Республики Коми в реализацию данного проекта явилось соответствие региональных оценок бедности российским среднестатистическим показателям.

3.1. СИСТЕМА АДРЕСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ ДО 2002

Увеличение масштабов бедности, ее глубины и остроты в условиях дефицита бюджетных средств выдвинуло на первый план проблему эффективности их расходования и необходимости применения высокоизбирательного подхода в оказании государственной социальной помощи малоимущим.

Ликвидация прежней, жестко централизованной системы государственного регулирования доходов населения повлекло за собой изменения в структуре управления социальными процессами. Более четко определились три уровня власти – федеральный, региональный, муниципальный. В настоящее время многие социальные проблемы практически решаются на региональном и муниципальном уровнях. Их влияние на формирование социальной политики оценивается на уровне 70-80 %, на долю местного самоуправления приходится 10-20 %, на долю федерального центра – только 10-20% (Кравченко, 2000: 35).

В соответствии с федеральным законодательством источниками оказания государственной социальной помощи малоимущим семьям являются средства федерального бюджета, бюджетов субъектов Федерации, местных бюджетов. Республика Коми является регионом - реципиентом и в связи с этим не получает федеральных средств. Источником финансирования одного вида помощи - социального пособия,

выплачиваемого семьям с доходами ниже ГДД, - является республиканский бюджет Республики Коми, а все остальные виды помощи выплачиваются за счет местного бюджета или консолидированного бюджета Республики Коми. Поэтому размеры получаемой государственной социальной помощи непосредственно зависят от экономического и финансового положения в муниципальных образованиях и наличия местных программ по адресной помощи малоимущим семьям.

До 2002 г. государство определяло только общие принципы и условия социальной защиты малоимущих. Основные полномочия по практической реализации мер социальной защиты, определение методов и форм социальной помощи были переданы в ведение субъектов Федерации. В связи с этим в 1997 г. в Республике Коми была внедрена программа адресной социальной помощи бедным семьям, центральным звеном которой был механизм оценки нуждаемости семей по единым критериям для всей территории Республики Коми и комплексный подход к домохозяйству, как объекту социальной поддержки со стороны государства.

Особенности данной программы социальной помощи малоимущим состояли в следующем:

- использовался заявительный принцип (через органы социальной защиты на местах), чтобы обеспечить доступность ее для заявителей;
- методика оценки нуждаемости семьи (откорректированная с учетом особенностей северного региона) была ориентирована на полный учет душевых доходов каждого домохозяйства, в котором учитывался экономический и трудовой потенциал семьи, а также стоимость получаемых семьей льгот;
- для выявления наиболее нуждающихся среди обратившихся за помощью, применялся «синтетический показатель»: норматив денежного душевого дохода, гарантированного государством. Он утверждался республиканским правительством исходя из имеющихся бюджетных средств и составлял от 30 до 40% от установленного прожиточного минимума.
- Виды и размер помощи варьировались в зависимости от степени нужды.

Оценка нуждаемости семьи производилась путем сравнения совокупного (или “полного”) среднедушевого дохода семьи и прожиточного минимума. В совокупный (полный) доход семьи помимо всех видов доходов включались также доходы, источником которых мог быть неиспользованный экономический и трудовой потенциал семьи (доход, который семья может иметь в результате рационального использования собственного имущества и способность членов семьи к трудовой деятельности в зависимости от возраста и состояния здоровья) (Указ Главы, 2000). Статус “нуждающейся” предоставлялся только той семье, у которой совокупный (полный) доход ниже размера прожиточного минимума.

Среди прошедших «доходный тест» и получивших официальный статус нуждающихся выделялись крайне бедные. Для этого использовался дополнительный критерий – гарантированный душевой доход (ГДД) - размер денежного дохода, который гарантируется на территории республики каждой семье и устанавливается исходя из реальных экономических возможностей бюджета.

Таким образом, все семьи, получившие статус “нуждающихся”, делились на две категории: семьи, имеющие совокупный душевой доход ниже гарантированного душевого дохода (ГДД); семьи, имеющие совокупный доход выше гарантированного душевого дохода (ГДД), но ниже прожиточного минимума.

В зависимости от принадлежности к той или иной категории нуждающихся (на основании социального паспорта – документа единого образца, действующего на территории республики) семьям оказывались различные виды социальной помощи:

- помощь преимущественно разового характера (помощь в натуральном и денежном выражении, бесплатный проезд, проезд по остросоциальным нуждам, летний

- отдых детей);
- помощь длительного характера (бесплатное питание учащихся в общеобразовательных учреждениях и социальное пособие в месяц на семью - от 6 до 9 раз в год);
- многоразовая, численно неограниченная (льгота по оплате содержания детей в детских дошкольных учреждениях, компенсация на оплату жилищно-коммунальных услуг, бесплатное обеспечение молочными продуктами питания детей первых двух лет жизни);
- социальное денежное пособие в размере разницы между среднедушевыми доходами и ГДД.

В ходе реализации данного подхода к оценке нуждаемости за период 1997-2000 гг. произошел ряд изменений. Во-первых, увеличилось количество обратившихся за помощью, приблизившись к общей численности граждан, имеющих доходы ниже величины прожиточного минимума по данным официальной статистики, что, свидетельствовало о доступности территориальных органов социальной защиты для любого человека, проживающего на территории республики и по субъективной оценке относящего свою семью (себя) к “нуждающимся” (табл. 3.1.1). Во-вторых, увеличилась доля статусных “нуждающихся” (малоимущих): из числа всех обратившихся 45,4% семей получили статус малоимущих. Наконец, среди статусных “нуждающихся” увеличился удельный вес “крайне бедных”, у которых совокупный среднедушевой доход в месяц был ниже ГДД. Если в 1998 г. социальные пособия получали около 35% “нуждающихся”, а 65% получали различные субсидии (кроме социального пособия), то в 2000 г. это соотношение составило 45:55.

Такая динамика, с одной стороны, была обусловлена инициативой самого населения, самостоятельно «осваивающего» возможности данной программы, а с другой – поэтапным распространением оценки нуждаемости на получение таких видов помощи, как детское пособие и жилищные субсидии.

Таблица 3.1.1

**Характеристика различных групп получателей социальной помощи
по Республике Коми за 1997-2000 гг.**

Показатели	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	Рост 2000 г. к 1999 г., раз
Количество обратившихся домохозяйств,	8067	19427	42006	81104	10
в них человек	25814	62166	134419	259533	10
Количество домохозяйств, получивших статус малоимущих,	5684	14210	16122	36880	6,5
В них человек	13727	44534	52203	116048	8,5
Количество домохозяйств, получающих социальные пособия,	941	4743	6010	5309	5,6
в них человек	3217	15478	19087	16736	5,2
Удельный вес обратившихся к общей численности граждан, имеющих доходы ниже величины прожиточного минимума по сведениям официальной статистики, %	0,4	1,4	47,83	81,7	-
Средний размер денежного социального пособия, в рублях	56,39	82,70	109,02	114,24	2

Источник: региональная база данных получателей социальной помощи Министерства РК по социальным вопросам.

Оказание крайне бедным семьям различных видов социальной помощи (выплаты денежного социального пособия и помощи длительного характера) позволяло увеличивать их денежные доходы почти в 2 раза (с 48% до 88% по отношению к величине семейного прожиточного минимума). В семьях с детьми уровень благосостояния повышался в пределах от 73 до 80% (табл. 3.1.2).

Несмотря на то, что бюджет группы крайне бедных семей удавалось повысить почти на 50%, для некоторых категорий бедных (например, многодетных семей или семей с детьми школьного возраста) по-прежнему был велик риск застойной бедности, поскольку их экономическая зависимость от социальной поддержки очень велика.

Таблица 3.1.2

**Оценка социальной эффективности
программы адресной социальной помощи бедным в 2000 г.**

Показатели	Категории семей				
	Все семьи	Многодетные	С детьми дошкольного возраста	С детьми школьного возраста	Без детей
Среднедушевой доход среднестатистической семьи, руб. за месяц	456	314	463	480	509
Совокупный доход семьи	1244,9	1099,0	1379,7	1267,2	661,7
Средний прожиточный минимум, необходимый для одного человека (рассчитан по методике, действующей до 15 сентября 2000 г.), руб.	946,5	962,3	909,1	983,6	915,3
Семейный прожиточный минимум, необходимый для семьи, руб.	2583,9	3368,1	2709,1	2596,7	1190,0
Совокупный доход семьи с учетом длительно оказываемых видов помощи, руб. за месяц	2263,9	2465,0	2174,7	1956,2	870,7
Совокупный доход семьи с учетом суммы всех видов помощи, руб. за месяц	4468,9	5090,0	4653,7	3916,2	1630,7
Соотношение совокупного дохода семьи к семейному прожиточному минимуму, % без учета помощи	48,2	32,6	50,9	48,8	55,6
с учетом длительно оказываемых видов помощи	87,6	73,2	80,3	75,3	73,2
с учетом всех видов помощи	176,8	151,1	171,8	150,8	137,0

Источник: данные информационно-аналитического отдела Министерства РК по социальным вопросам.

В оценке нуждаемости методический подход к определению совокупного среднедушевого дохода семей (с учетом их экономического и трудового потенциала), отчасти выполнял функцию более полного контроля доходов (своеобразного “фильтра”), особенно той категории нуждающихся, доходы которых выше ГДД, но ниже прожиточного минимума. В группе крайне бедных семей (с доходами ниже ГДД) контрольная функция не реализовывалась в полном объеме и, по сути, не имела существенного значения, так как доля экономического и трудового потенциала в их совокупном среднедушевом доходе была и остается незначительной.

Однако в целом контрольная функция способствовала более справедливому распределению благ в рамках социальной помощи между “крайне бедными” и “бедными”.

Таким образом, принципы государственной благотворительности были сформулированы таким образом, чтобы исключить помощь тем низкодоходным семьям, которые имеют экономический и трудовой потенциал. Предполагалось, что тем самым можно стимулировать активизацию внутренних резервов домохозяйства, пресечь иждивенчество и формирование экономической зависимости. Во избежание формирования зависимости приняты также ограничения по выплате денежных пособий. В результате, основными формами помощи для преобладающего числа официальных бедных стали жилищные субсидии и льготы. Денежное пособие выдавалось лишь при условии крайне низких среднедушевых доходов в семье, которые оказывались ниже гарантированного душевого дохода. Последний утверждался ежеквартально властями исходя из имеющихся бюджетных средств. На протяжении последних лет его величина не превышала трети установленного в Республике прожиточного минимума, что автоматически снижало долю получателей пособия.

3.2. ИЗМЕНЕНИЯ АДРЕСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ В 2002-2003 гг.

В 2001- 2002 гг. региональные нормативные акты были приведены в соответствие с федеральными. С этого периода правовой основой для оказания адресной социальной помощи малоимущим в Республике Коми являются Федеральный закон “О государственной социальной помощи”, Федеральный закон “О прожиточном минимуме в Российской Федерации”. В Закон Республики Коми “О прожиточном минимуме в Республике Коми” (в редакции от 27 февраля 1997 г.) были внесены изменения в соответствии с федеральным законодательством.

Если до 2002 г. государство определяло только общие принципы и условия социальной защиты малоимущих, то с этого периода оно стало определять и методические подходы к оценке нуждаемости на основе Федерального закона “О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина”. Полномочия по практической реализации мер социальной защиты, определение форм и видов социальной помощи, по-прежнему остались в ведении субъектов Федерации.

В связи с этим в 2002г. программа адресной социальной помощи малоимущим в Республике Коми претерпела ряд изменений. *Заявительный принцип* через органы социальной защиты на местах расширил доступность социальной помощи для заявителей, поскольку появилась возможность обращаться в органы социальной защиты не только по месту жительства, но и *по месту пребывания* (при условии регистрации места пребывания). Изменилась методика расчета доходов семей (в соответствии с Федеральным законом “О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина”). *Из состава учитываемых доходов были исключены доходы от льгот* по оплате услуг жилищно-коммунального хозяйства, связи, транспорта, а также экономического и трудового потенциала семьи. Расчет среднедушевого дохода семьи производится исходя из суммы всех традиционных видов доходов членов семьи, полученных как в денежной, так и в натуральной форме, за три последних календарных месяца, предшествующих месяцу подачи заявления об оказании государственной социальной помощи (ст. 4- 15 Федерального Закона “О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина”).

Размер социальной помощи должен определяться в пределах разницы между суммой величин прожиточных минимумов и общим доходов членов малоимущей семьи (ст. 11 Федерального закона “О государственной социальной помощи”). Несмотря на противоречие с федеральным законодательством, региональные и муниципальные органы

социальной защиты для выделения в составе бедных группы, находящейся в “крайней бедности”, по-прежнему используют в качестве критерия гарантированный душевой доход (ГДД). Это объясняет достаточно низкий удельный вес получателей социального денежного пособия: в 2002 году таковых было около 15%.

На первый взгляд, в условиях ограниченных средств муниципальных бюджетов использование этого критерия (ГДД) позволяет *концентрировать бюджетные средства на оказание социальной помощи и решение жизненно важных проблем “крайне бедных” семей (за счет выделения им денежного социального пособия, 50-процентной оплаты питания детей в школах, и дошкольных учреждениях, проезда к месту лечения, оздоровления, субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг).*

Однако в этом случае, на наш взгляд, принцип целевой (адресной) социальной помощи тем, кто не в состоянии самостоятельно обеспечить себе минимум средств проживания, реализуется не в полной мере. С одной стороны, разделение статусных малоимущих на две категории (первая категория - семьи, имеющие совокупный душевой доход ниже гарантированного душевого дохода (ГДД); вторая категория - семьи, имеющие совокупный доход выше гарантированного душевого дохода (ГДД), но ниже прожиточного минимума) является критерием для определения видов и характера социальной помощи каждой категории. С другой стороны, - именно использование гарантированного душевого дохода (ГДД) в качестве “местного минимума” нарушает принцип справедливого распределения благ в рамках социальной помощи между “крайне бедными” (доходы которых ниже ГДД) и “бедными” (доходы которых выше ГДД, но ниже прожиточного минимума);

Размер государственной социальной помощи должен определяться в пределах разницы между прожиточным минимумом и доходом семьи (ст. 11 Федерального закона “О государственной социальной помощи”). Гарантированный душевой доход (ГДД) по ряду объективных причин существенно ниже прожиточного минимума, а потому является своеобразным “ограничителем” в повышении благосостояния “крайне бедных”. На протяжении 1999-2003 гг. его величина составляла 21-25% от величины прожиточного минимума. Во втором квартале 2002 г. прожиточный минимум в среднем по республике составлял 2164 рубля, а гарантированный душевой доход - 500 рублей (23% от ПМ), тогда как, во втором квартале 2003 г. соотношение ГДД к ПМ увеличилось до 24.5% (ПМ составлял 2445 рублей, ГДД - 600 рублей). В 2002 г. с учетом длительно оказываемых видов помощи доходы “крайне бедных” семей повышались в среднем на 39% и достигали 79% от величины прожиточного минимума (ПМ). В то же время, доходы отдельных семей в ограниченный период времени (1-2 месяца), когда эти семьи получали более пяти видов помощи, возрастали в 1.7 - 2.7 раза и становились выше размера семейного прожиточного минимума на 18-54% (по информации Министерства РК по социальным вопросам).

До 2002 г. методический подход к определению совокупного среднедушевого дохода семей предполагал обязательный учет их экономического и трудового потенциала, тем самым, выполняя функцию *более полного контроля доходов (“своеобразного фильтра”)*, особенно той категории нуждающихся, доходы которых выше ГДД, но ниже прожиточного минимума. С 2002 г., в связи с исключением из состава учитываемых доходов экономического и трудового потенциала, а также льгот по оплате услуг жилищно-коммунального хозяйства, связи, пассажирского транспорта, контрольная функция ослабла.

Несмотря на то, что органы социальной защиты осуществляют проверки достоверности представленных сведений о составе семьи, доходах (в том числе от принадлежащего семье имущества на праве собственности), *проблема объективного контроля доходов в рамках деятельности органов социальной защиты принципиально неразрешима.* В первую очередь эта проблема относится к категории малоимущих с доходами выше ГДД, но ниже

ПМ. В 2002 г. (по сравнению с 2001 г) количество проверок о правильности предоставления сведений в органы социальной защиты увеличилось на 24%. В 2002 г. было проверено 45% малоимущих семей (по информации Министерства РК по социальным вопросам), более 20 предприятий, произведено 566 запросов в разные ведомства (прокуратуру, паспортно-визовую службу, службу заказчика, Фонд социального страхования, Управление Пенсионного Фонда, налоговую полицию, ГИБДД, комитет по земельным ресурсам и землеустройству, БТИ и пр.). За 2002 г. по результатам проверок лишены статуса малоимущих 579 семей (в 2001 г. - 378). Основной причиной исключения является предоставление заявителем **недостовверных сведений** о составе семьи, и доходах, что привело к умышленному занижению совокупного и среднедушевого дохода семьи. Это является своеобразным показателем методически некорректного отбора заявителей на начальном этапе их регистрации в органах социальной защиты.

В 2003 г. в составе малоимущих, зарегистрированных в органах социальной защиты Республики Коми, наряду с “традиционно бедными” категориями - многодетными и безработными семьями, выделяется довольно представительная группа предпринимателей (табл. 3.2.1).

Таблица 3.2.1

Структура категорий граждан, имеющих доход ниже прожиточного минимума, зарегистрированных в органах социальной защиты населения по состоянию на апрель 2003 года*

Категории малоимущих семей	Республика Коми		Сыктывкар	
	Численность семей	Удельный вес, %	Численность семей	Удельный вес, %
Общая численность малоимущих семей	26150	100.0	3514	100.0
В том числе:				
Многодетные семьи	623	2.4	6	0.2
Семьи, в составе которых есть безработных	1766	6.8	103	2.9
Семьи, имеющие детей до 6 лет	6986	26.7	970	27.6
Семьи, имеющие детей от 7 до 15 лет	11725	44.8	1520	43.3
Семьи, в составе которых есть предприниматели	2376	9.1	195	5.5

Источник: данные информационно-аналитического отдела Министерства РК по социальным вопросам.

С изменением методики расчета доходов семей (исключением из состава учитываемых доходов некоторых видов доходов), а также трансформацией заявительного принципа (возможностью реципиентов обращаться в органы социальной защиты не только по месту жительства, но и по месту пребывания при условии регистрации места их пребывания) расширилась доступность заявителей в органы социальной защиты. По экспертной оценке (специалистов Министерства РК по социальным вопросам) в течение 2002 г. численность малоимущих семей (одиноко проживающих граждан) должна была увеличиться на 50-55 тысяч. В связи с этим ожидаемые расходы на оказание отдельных видов помощи увеличились бы (по сравнению с 2001 г.) в 1.9 раза.

Однако вопреки ожиданиям роста численности официальных бедных с 2001 г. отмечается тенденция к уменьшению зарегистрированных малоимущих. В 2000 г. в среднем за месяц

было зарегистрировано - 104598 чел., в 2001г. - 88089 чел., в 2002 г. - 83228 чел. (табл. 3.2.2);

Происходит снижение и численности “крайне бедных” - получателей социальных пособий: в 2000 г. - 12468 чел., в 2001 г. - 5066 чел., в 2002 г. - 2774 чел. (табл. 3.2.2).

Таблица 3.2.2

**Характеристика различных групп получателей социальной помощи
по Республике Коми за 1997-2000 гг.**

Показатели	2000	2001	2002
Количество зарегистрированных малоимущих, чел.	104598	88089	83228
Количество крайне бедных - получателей социальных пособий, чел.	12468	5066	2774
Доля крайне бедных к общей численности малоимущих, %	11.9	5.7	3.3
Доля зарегистрированных малоимущих к общей численности населения, %	8.0	8.5	7.2
Доля зарегистрированных малоимущих к общей численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	32.0	24.0	38.0

Источник: региональная база данных получателей социальной помощи Министерства РК по социальным вопросам.

С одной стороны, снижение численности “крайне бедных” в составе зарегистрированных малоимущих, в определенной степени, обусловлено мерами, принятыми Правительством РФ и РК в 2001-2002гг.: увеличением минимального размера оплаты труда до 450 руб., повышением пенсий, заработной платы работников бюджетной сферы, выплатами компенсационного характера определенным группам населения (по Указам Главы РК) на возмещение расходов, связанных с ростом стоимости жизни. Государственная *социальная поддержка такого характера в большей степени распространяются на обедневшие, но все же не исключенные из общественного института, категории населения.*

С другой стороны, объективно низкий (по отношению к величине прожиточного минимума) гарантированный душевой доход (ГДД), по сути, является механизмом, уменьшающим поле социальной защиты, по возможности, исключая из него определенные категории низкооплачиваемых работников. В условиях низкого уровня оплаты труда, который наблюдается в большинстве отраслей экономики, значительное увеличение ГДД и его приближение к прожиточному минимуму может повлечь за собой снижение стимулов к труду низкооплачиваемых категорий работающих. В этом случае возникает риск того, что сама система социальной помощи станет способствовать еще большему увеличению “трудоспособных семей”. *Это, в свою очередь, повлечет за собой проблему “размывания” критериев бедности и еще большего “ужесточения” механизма оценки нуждаемости.*

Подводя итог двум этапам развития системы социального обеспечения в республике Коми, следует отметить, несколько особенностей реализации каждого из них.

На первом этапе - несмотря на «жесткость» пилотной оценки нуждаемости - доля зарегистрированных бедных непрерывно росла. По нашему мнению, рост обеспечивался поэтапным распространением методики расчета нуждаемости на возможность получения таких видов помощи, как детские пособия и жилищные субсидии. На втором этапе несмотря на некоторое послабление и вопреки прогнозам, численность зарегистрированных нуждающихся снижается. На наш взгляд, основными причинами того

послужили, с одной стороны, - осведомленность населения о прежних принципах оказания социальной поддержки, а с другой – своего рода исчерпанность той категории, которые могут претендовать на основные виды социальной помощи: жилищную субсидию и детское пособие.

ГЛАВА 4. КРАЙНЕ БЕДНЫЕ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Исследование было нацелено на выявление социальных характеристик, которые повышают *риск формирования устойчивой группы крайне бедных*. Особое внимание к этой категории было обусловлено рядом причин. С одной стороны, складывающаяся политика управления бедностью озадачена выделением наиболее нуждающихся и определением эффективных форм социальной поддержки этой категории. С другой – практика формирования реальной группы бедных, когда не только статистически, но и в формах поведения проявляется групповая солидарность, грозит формированием слоя постоянно бедных. При очевидном росте статистической бедности: с 10-12% населения в начале 90-х годов до 30-40% населения в последующие годы, - в ряды статистических бедных в ходе массовой нисходящей мобильности вошли состоятельные прежде слои населения, а также - работающие. Значительная часть «новых бедных» обладает запасом прочности: накопленными в прошлом материальными и социальными ресурсами. Неспособность домохозяйств конвертировать ресурсы прошлого в новые экономические условия определяет, на наш взгляд, консервацию нужды. Именно категория домохозяйств, испытывающих крайнюю степень нужды и ограниченных в ресурсах или возможностях по их использованию, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, так как может стать источником формирования постоянной бедности. И именно эта категория должна быть включена в поле социальной политики.

В этой связи важной исследовательской задачей было корректное определение крайне бедных. В ходе ее решения мы следовали двум исходным принципам: (1) в условиях распространения теневой экономики и скрытых доходов надежным индикатором нуждаемости может быть уровень реального потребления, а не текущие доходы; (2) для точной оценки материального благосостояния и выделения крайне бедных необходимо использовать комбинированный показатель, т.е. наряду с показателями лишений следует учитывать ресурсный потенциал семей.

4.1. МЕТОДИКА ВЫДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ПО СТЕПЕНИ ЛИШЕНИЙ

Преимущество относительных подходов к определению бедности в глобальной перспективе и на региональном уровне, в том числе в трансформирующихся странах – обсуждалось не раз (Бедность, 1994). Не останавливаясь на общетеоретических положениях, имеет смысл кратко описать практическую технологию их воплощения в нашем проекте.

И здесь, выбор в пользу *депривационного* направления при определении степени нуждаемости был обусловлен общеизвестными - в условиях распространения теневой экономики - проблемами методик измерения бедности через сопоставление доходов с величиной прожиточного минимума.

Суть данного направления заключается в измерении лишений на основе анализа степени удовлетворения потребностей. Семья может быть отнесена к числу бедных, если ее ресурсы недостаточны для поддержания жизненных стандартов, являющихся *привычными или общепринятыми в обществе*.

Основная трудность, с которой сталкиваются исследователи, работающие в данной традиции, состоит в сложности выделения жизненных стандартов, отсутствие которых свидетельствует о лишениях. Так, исследование П.Таунсенда (Townsend, 1979), где впервые применялся данный метод, критиковалось за произвольное включение в число необходимых таких потребностей, как прием гостей или употребление мяса не менее четырех раз в неделю (Mack & Lansley, 1984: 31-35). Впоследствии Д. Мак и С. Лэнсли совершенствовали данную методику, заменив экспертную («нормативную») оценку необходимого и общепринятого набора жизненных благ общественной. Несмотря на

оригинальное решение проблема сохраняется до сих пор – какие стандарты предлагать для общественной экспертизы.

Другое слабое место методики – как отличить реальное лишение от потребительских предпочтений. П. Таунсенд, по сути, игнорировал уровень личных потребительских вкусов. Отсутствие установленного экспертным путем социального минимума уже было достаточным основанием для отнесения семьи к бедной. Его оппоненты и последователи Д. Мак и С. Лэнсли, напротив, предложили выявлять список лишений на основе того, какие блага население считало абсолютно необходимыми, а без каких можно обойтись Mack & Lansley, 1984: 37-42). Данное усовершенствование было весьма эффективным в условиях стабильной экономики, когда вполне устойчивыми были представления о том, что необходимо иметь, чтобы не считаться бедным. Иное дело – ситуация трансформации, которую переживает наша страна.

Весьма плодотворная попытка апробировать альтернативные подходы к измерению бедности в России и преодолеть узкие места депривационного подхода применительно к нестабильным условиям жизнеобеспечения была предпринята в международном исследовательском проекте «Бедность в России: лишения и социальная исключенность», где с российской стороны руководителем была М. Можина (Бедность, 1998). Для большей надежности и учета российских реалий в роли экспертов выступили как население, так и специалисты в области изучения уровня жизни. В ходе опроса задавался вопрос: «Что, по Вашему мнению, в настоящее время в России является признаком бедности?». Стандарты, признанные преобладающим большинством опрошенных и экспертов в качестве минимальных, легли в основу расчета различных индексов лишений.

Сравнение индексов лишений, проранжированных по степени значимости, позволило выявить наиболее эффективные группировки, а также прийти к мнению, что комбинированные критерии бедности по лишениям и доходам предпочтительнее других. И все же высокий потенциал полученных результатов по-прежнему ограничен особенностями трансформирующегося общества, где при массовой нисходящей мобильности, с одной стороны, и растущей поляризации, с другой, мнения о том, что должен иметь человек, чтобы не считаться бедным, весьма размыты (Бедность, 1998: 42). По этой причине построение индекса лишений на этом основании представляется недостаточным. Сохраняется также проблема завышенных или «идеальных» притязаний относительно необходимых жизненных благ, не соответствующих реальным условиям жизни.

Поэтому мы решили, активно используя уже имеющийся опыт такого рода определения бедности, несколько его усовершенствовать, акцентируя внимание на решение все тех же двух «слабых» мест методики: корректный способ определения минимальных потребностей и разграничения ситуации потребительских предпочтений от ситуации лишений.

В результате, главный упор в нашей работе – это выделение крайне бедных через анализ *реального материального положения семей*, а не только представление населения или экспертов о том, что принято считать в данной стране социальным минимумом, наличие или отсутствие которого свидетельствует о бедности.

Поскольку уровень потребности только формируется, то общественное мнение на этот счет крайне неустойчиво и не может быть надежным индикатором. Более того, наши исследования экономического поведения домохозяйств в рамках различных проектов («Новые формы занятости и стратегии выживания» (1998 г.), «Гендерные различия стратегий занятости» (1999-2001), «От достойных бедных к андеклассу: практика социального исключения в России» (1999-2001)) показали, что нет четко сформулированной (вербализованной) стратегии занятости (расходов или доходов), хотя в реальном поведении она присутствует. Данное обстоятельство еще раз убедило нас в

необходимости внимательного изучения поведенческих практик, а в нашем случае - реального потребления.

Что касается учета потребительских предпочтений и распространенной практики экономии, то мы решили исходить из «упрощенного» определения бедных как группы людей, которые не только ограничены в социальном минимуме, но и не могут следовать средним жизненным стандартам. В связи с этим мы составили два списка потребительских стандартов: минимальный и средний, предполагая использовать их в качестве взаимодополняющих. В результате в исследовании задавалось два вопроса. В первом - «На чем Ваша семья обычно вынуждена экономить?» - были представлены базовые стандарты жизни, тогда как во втором – «Что может позволить Ваша семья?» - предлагались средние или выше среднего стандарты потребления. В каждом случае мы спрашивали основных информантов о том, что, по их мнению, потребляется домохозяйством, от чего приходится отказываться, а что не нужно семье.

Наконец, для учета имеющихся ресурсов в семье мы решили включить индекс благосостояния, рассчитанный на основании имеющихся в домохозяйстве предметов длительного пользования.

Данный способ выделения групп по степени нуждаемости, основанный на трех составляющих: депривации, возможности следовать средним стандартам жизни и имущественной обеспеченности, - мы назвали *интегральной*. Теперь рассмотрим полученные результаты.

А. ВИДЫ ДЕПРИВАЦИИ

На основании списка минимальных потребительских стандартов были выделены различные виды депривации. В табл. 4.1.1 приведена типология домохозяйств по степени депривации.

Таблица 4.1.1

Материальное положение домохозяйств, %

Виды лишений	Характеристика	Официальные бедные		Все население	
		%	N	%	N
<i>Крайняя депривация</i>	Экономия на еде (все виды)	21,6	80	13,0	132
<i>Высокая депривация</i>	Экономия на еде (в комбинации)	14,1	52	8,0	81
<i>Нуждаемость</i>	Трудности с покупкой одежды и обуви	31,6	117	27,5	291
<i>Ограниченность средств</i>	Нехватка средств на покупку товаров длительного пользования	20,3	75	26,5	269
<i>Недепривированные</i>	Нет лишений	12,4	46	25,1	255
Всего		100	370	100	1033

В первую категорию вошли семьи, вынужденные экономить на питании, необходимой одежде и недорогих товарах длительного пользования. В категорию с высокой депривацией вошли семьи, ограничивающие себя в питании и одном из видов лишений (одежде или товарах длительного пользования). К третьей категории были отнесены семьи, не испытывающие лишения в питании, но ограниченные в средствах на покупку одежды и обуви, соответственно, товаров длительного пользования. Наконец, были выделены семьи, в которых не хватает средств лишь на покупку товаров длительного пользования. Таким образом, реальное лишение минимальных стандартов жизни (экономия по трем базовым категориям - в еде, необходимых предметах личной гигиены и одежде) рассматривалась в качестве признака *крайней депривации*.

Около 75% опрошенных испытывают разные формы лишений. Следует отметить, что это примерно соответствует доле, выделенной по субъективным оценкам материального положения (Например, исследование 1998 года в Сыктывкаре)¹¹. Для нас столь высокая доля испытывающих те или иные виды депривации была дополнительным аргументом в пользу учета возможностей семьи следовать средним стандартам потребления.

¹¹ В распределении заложена не только ситуация лишений, но и стратегия экономии.

В. ДЕПРИВАЦИЯ И СРЕДНИЕ ЖИЗНЕННЫЕ СТАНДАРТЫ

Рассмотрим, насколько семьи в крайней депривации исключены из средних жизненных стандартов.

Таблица 4.1.2

Распространение жизненных стандартов в крайней депривации, %

Категории/ стандарты	Крайняя депривация	Все население
Деликатесы		
<i>Могут позволить</i>	14,9	43,8
<i>Не надо</i>	11,2	18,3
Евроремонт		
<i>Могут позволить</i>	0,7	3,1
<i>Не надо</i>	41,8	44,6
Покупку квартиры		
<i>Могут позволить</i>	0	3,1
<i>Не надо</i>	28,4	25,5
Покупку машины		
<i>Могут позволить</i>	0	4,1
<i>Не надо</i>	30,6	36,7
Фирменную одежду и обувь		
<i>Могут позволить</i>	2,2	18,4
<i>Не надо</i>	34,3	31,7
Обслуживание в салонах услуг		
<i>Могут позволить</i>	1,5	15,4
<i>Не надо</i>	54,5	45,9
Покупку престижных товаров длительного пользования		
<i>Могут позволить</i>	0,7	21,4
<i>Не надо</i>	46,3	37,9
Покупка импортной мебели		
<i>Могут позволить</i>	0	4,0
<i>Не надо</i>	41,0	46,6
Посещение театров, кино и т.д.		
<i>Могут позволить</i>	19,4	44,9
<i>Не надо</i>	34,3	35,0
Отдых, развлечения (кафе, рестораны)		
<i>Могут позволить</i>	6,0	29,1
<i>Не надо</i>	41,8	40,9
Респектабельный отдых на юге, за границей		
<i>Могут позволить</i>	0	5,7
<i>Не надо</i>	41,0	31,2
Платное образование детям		
<i>Могут позволить</i>	10,4	18,3
<i>Не надо</i>	50,7	61,1
Платное медицинское обслуживание		
<i>Могут позволить</i>	14,9	36,5
<i>Не надо</i>	28,4	25,1
Накопления, сбережения		
<i>Могут позволить</i>	19,0	29,6
<i>Не надо</i>	5,2	6,1
Всего*	134	1033

*Приведены данные ответов на вопрос «Что может позволить Ваша семья» только по двум позициям из трех, поэтому в сумме нет ста процентов.

Как видим, часть семей в крайней депривации несмотря на то, что они терпят лишения, стремится выдержать стандарты среднего класса. Иными словами, в ряде случаев семьи вынуждены экономить на базовых потребностях, чтобы иметь возможность следовать распространенному образу жизни.

Следует также отметить, что в распределении ответов сказывается и привыкание к лишениям, поскольку потребности и представления о средствах для их удовлетворения формируются не только исходя их отсутствия общепринятого, но и исходя из перспектив их удовлетворения.

С. ДЕПРИВАЦИЯ И ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ

Картина материального благосостояния семей в крайне депривации дополняется уровнем имущественного обеспечения семьи. В таблице 4.1.3 сравнивается имущественная обеспеченность этих семей со всем населением.

Таблица 4.1.3

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ СЕМЕЙ В КРАЙНЕЙ ДЕПРИВАЦИИ, %

Категории/ стандарты	Крайняя депривация	Все население
Телефон		
<i>Имеют</i>	71,6	78,2
<i>Не имеют, но хотят</i>	21,6	17,0
Импортный цветной телевизор		
<i>Имеют</i>	53,0	72,3
<i>Не имеют, но хотят</i>	36,6	21,0
Автоматическая стиральная машина		
<i>Имеют</i>	13,4	35,7
<i>Не имеют, но хотят</i>	72,4	47,0
Импортный холодильник		
<i>Имеют</i>	9,7	19,9
<i>Не имеют, но хотят</i>	65,7	47,8
Видео-плеер/магнитофон		
<i>Имеют</i>	29,9	49,6
<i>Не имеют, но хотят</i>	37,3	24,5
Музыкальный центр		
<i>Имеют</i>	8,2	25,7
<i>Не имеют, но хотят</i>	49,3	38,4
Видеокамера		
<i>Имеют</i>	2,2	5,1
<i>Не имеют, но хотят</i>	47,0	50,8
Персональный компьютер		
<i>Имеют</i>	3,0	14,32
<i>Не имеют, но хотят</i>	44,0	44,7
Гараж		
<i>Имеют</i>	14,9	26,4
<i>Не имеют, но хотят</i>	37,3	32,3
Автомобиль		
<i>Имеют</i>	14,9	32,8
<i>Не имеют, но хотят</i>	38,1	31,4
Дача		
<i>Имеют</i>	41,0	46,1
<i>Не надо</i>	23,9	16,9
Всего*	(134)	(1033)

Как видно из данных таблицы, имущественная обеспеченность семей, испытывающих крайнюю депривацию, хоть и ниже, чем у остального населения, тем не менее достаточно высока. Конечно, большая часть имущества – это приобретения советских лет, часть которого уже морально устарела. Однако, к этой категории просачиваются и потребительские стандарты последних лет: импортный цветной телевизор, видеомагнитофон и даже персональный компьютер.

D. СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС: КОНТИНУУМ БОГАТСТВА И БЕДНОСТИ

Итак, для реализации цели исследования на основании индекса лишений, сконструированного по перечню потребительских стандартов (28 позиций от минимальных до элитарных), были выделены группы по степени нуждаемости. *Крайняя бедность* была определена по уровню жизненных шансов: реальных возможностей семьи следовать распространенным и общепринятым стандартам жизни.

Для более точного выделения крайне нуждающихся и их социального класса (позиции в социально-имущественной дифференциации) был введен индекс имеющегося в семье имущества. В результате были выделены крайне бедные – крайне депривированные семьи с ограниченными материальными ресурсами (табл. 4.1.4).

Таким образом, в число *крайне бедных* вошли семьи с низким индексом жизненных стандартов, как минимальных, так и средних, а также с низким уровнем материальной обеспеченности.

Таблица 4.1.4

Социальный класс домохозяйств, %

		Официальные бедные		Все население		Сравнительные данные ¹²	
		%	N	%	N	%	N
Социальный класс	Крайне бедные	26,2	97	12,4	128	22.8	572
	Бедные	22,7	84	17,4	180	46.0	1155
	Среднеобеспеченные	48,1	178	57,5	594	25.8	649
	Состоятельные	3,0	11	12,7	131	4.7	117
Всего		100	370	100	1033	99.4	2497

Таким образом, в ходе выделения крайне бедных мы разработали и применили интегральную методику: (1) при составлении минимальных жизненных стандартов исходили из экспертных оценок социального минимума и из действующей практики удовлетворения минимальных потребностей; (2) конструировали индекс лишений не только по минимальным, но и средним стандартам, чтобы учесть ситуацию вынужденных лишений или сознательного ограничения (экономии) в базовых потребностях для реализации более высоких потребительских стандартов; (3) учитывали индекс имущественного обеспечения.

Рассмотрим различия официально бедных и крайне бедных.

¹² Сравнительные данные приведены по международному сравнительному исследованию «Бедность и социальная структура в трансформирующихся странах» в шести постсоциалистических странах, в том числе России в 2000 году (Szeleney, 2000b).

4.2. СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КРАЙНЕ БЕДНЫХ И ОФИЦИАЛЬНЫХ БЕДНЫХ

В данном разделе мы сосредоточимся лишь на двух характеристиках материального благосостояния крайне бедных и зарегистрированных нуждающихся: имущественной и жилищной обеспеченности.

А. ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ БЕДНОСТИ

Таблица 4.2.1

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ БЕДНОСТИ, %

Категории/ стандарты	Крайне бедные	Официальные бедные	Все население
Телефон			
<i>Имеют</i>	35,2	73,8	78,2
<i>Не имеют, но хотят</i>	51,6	20,8	17,0
Импортный цветной телевизор			
<i>Имеют</i>	11,0	54,3	72,3
<i>Не имеют, но хотят</i>	70,1	35,4	21,0
Автоматическая стиральная машина			
<i>Имеют</i>	0,8	18,1	35,7
<i>Не имеют, но хотят</i>	70,9	63,0	47,0
Импортный холодильник			
<i>Имеют</i>	0,8	9,7	19,9
<i>Не имеют, но хотят</i>	68,5	59,5	47,8
Видео-плеер/магнитофон			
<i>Имеют</i>	2,4	33,5	49,6
<i>Не имеют, но хотят</i>	52,8	31,6	24,5
Музыкальный центр			
<i>Имеют</i>	1,6	13,0	25,7
<i>Не имеют, но хотят</i>	53,5	43,5	38,4
Видеокамера			
<i>Имеют</i>	0	1,4	5,1
<i>Не имеют, но хотят</i>	38,6	51,4	50,8
Персональный компьютер			
<i>Имеют</i>	0	4,1	14,32
<i>Не имеют, но хотят</i>	37,0	49,7	44,7
Гараж			
<i>Имеют</i>	1,6	9,2	26,4
<i>Не имеют, но хотят</i>	24,4	30,0	32,3
Автомобиль			
<i>Имеют</i>	0	14,1	32,8
<i>Не имеют, но хотят</i>	33,9	32,2	31,4
Дача			
<i>Имеют</i>	11,0	27,0	46,1
<i>Не надо</i>	30,7	23,2	16,9
Всего*	(128)	(370)	(1033)

По уровню обеспеченности товарами длительного пользования крайне бедные существенно уступают зарегистрированным бедным и остальному населению.

В. ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ БЕДНОСТИ

Исследователи, использующие комбинированный показатель бедности, как правило, при построении шкал материальной обеспеченности учитывают и жилищные условия. Однако, особенность советского распределения жилья, когда экономический статус не являлся гарантом хороших жилищных условий, до сих пор сказывается на неявном выражении различий в типе жилья (табл. 4.2.2). В одном доме могут проживать представители различных социальных классов, различия которых скрыты во внутреннем убранстве квартиры.

Однако следует отметить, что крайняя бедность является исключением из этого правила. Именно в этой категории ярче всего проявляются отличия в типе жилья: проживание в кирпичных и деревянных общежитиях, частных домах и 2-4 квартирных деревянных домах.

Таблица 4.2.2

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ БЕДНОСТИ, %

Категории/ тип жилья		Крайняя бедность	Официальные бедные	Все население
Тип дома	Кирпичный (панельный) многоквартирный	46,9	68,9	70,3
	Деревянный многоквартирный	13,3	11,1	9,4
	Кирпичное (панельное) общежитие	16,4	11,6	9,3
	Деревянное общежитие	5,5	3,0	2,2
	Частный (индивидуальный) дом	14,1	3,0	6,9
	2-4 квартирный деревянный дом	3,9	2,4	1,8
Всего:		100 (128)	100 (370)	100 (1033)
Благоустройство	Благоустроенное	61,7	81,6	82,5
	Частично благоустр.	14,1	12,7	7,1
	Неблагоустроенное	24,2	5,7	10,3
Всего*		100 (128)	100 (370)	100 (1017)

На наш взгляд, проживание в частном секторе, а следовательно, не востребованность в данной категории жилищных субсидий – наиболее значимому типу помощи - снижает заинтересованность крайне бедных в регистрации.

4.3. СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (ДЕТЕРМИНАТЫ) КРАЙНЕЙ БЕДНОСТИ

В данном параграфе мы рассмотрим, каким образом классовая позиция, гендерная идентичность и стратегии выживания формируют различные категории бедных (крайне бедных и официально бедных).

А. КЛАССОВАЯ ПОЗИЦИЯ

В качестве характеристик классовой позиции мы рассмотрим уровень образования и статус занятости членов домохозяйства, а также основного кормильца.

Обращение внимания именно к этим социальным характеристикам напрямую связано с изменением оснований жизнеобеспечения. Раньше основу материального и гражданского благополучия составляла позиция в иерархии рабочих мест, включенных в особую систему распределения привилегий. Любая, даже низкоквалифицированная работа, позволяла обеспечивать социальный минимум, потому особую и «единственную» угрозу «достойному» и состоятельному образу жизни в советской системе представлял лишь рост числа иждивенцев в семье¹³. В настоящее время не только недостаток, но и обеспечение социального минимума существенно определяется положением в отраслевой и должностной иерархии. Безработица или получение заработной платы ниже прожиточного минимума более вероятны в неэффективных сегментах занятости. Они наглядно представлены статистикой региональных, отраслевых и должностных различий в оплате труда¹⁴. Распространение бедности на определенные категории работающих является феноменом, обусловленным как переменами, так и наследием советского прошлого. Аналогичным образом можно оценить ситуацию с пенсионерами. В условиях задержек выплат заработной платы и натуральных форм оплаты труда пенсии в ряде регионов России, в том числе Республике Коми, становились чуть ли не единственным источником доходов семьи. Положение пенсионеров казалось много благополучней работающих на депрессивных предприятиях. В результате риск оказаться в бедности для пенсионеров существенно снизился, о чем свидетельствует динамика численности бедных среди населения пенсионного возраста (Российский статистический ежегодник, 2002: 191).

Как показывают результаты проведенного исследования среди бедных разных категорий высока доля занятых. В то же время серьезный вклад в бедность вносят безработные и неработающие пенсионеры. В таблице 4.3.1 приведены данные по домохозяйствам, где хотя бы один член является безработным¹⁵ или пенсионером.

Примерно в половине домохозяйств официальных бедных есть хотя бы один пенсионер. Доля таких домохозяйств значительно ниже среди крайне бедных и остального населения: 38,3 и 32,9 соответственно. Обратное соотношение наблюдается в семьях с безработными: наибольшая доля (около 21%) их в домохозяйствах, находящихся в крайней бедности. А в семьях зарегистрированных нуждающихся таких домохозяйств несколько меньше, чем среди остальных горожан: 8,6% против 11,8%. Следует отметить, что среди крайне бедных из числа получающих поддержку доля семей хотя бы с одним безработным повышается, но и в этой категории она существенно ниже, чем среди всех семей, находящихся в крайней бедности.

¹³ Так, Джини Брейтуейт отмечает три основных группы бедных в советское время: (1) многодетные или неполные семьи, дети в полных семьях, где один из родителей не работал (декретный отпуск); (2) пенсионеры, особенно из числа одиноких и престарелых, не имеющих родственников; (3) занятые на низкооплачиваемой работе, в основном женщины, работающие в отраслях экономики, где в основном использовался женский труд; (4) бездомные (Бедность в России, 1998, С.44-45).

¹⁴ Как правило, это феминизированные отрасли: с преимущественной долей женщин среди занятых.

¹⁵ Статус безработного, в том числе зарегистрированного в службе занятости, в исследовании определялся со слов респондента.

Таблица 4.3.1

Характер занятости членов домохозяйств как фактор крайней бедности, %

Выборка	Крайне бедные		Все население	
	Все население	Официальные бедные	Все население	Официальные бедные
<i>Статус занятости, хотя бы один член домохозяйства:</i>				
Безработный	21,1	13,3	11,8	8,6
Пенсионер	38,3	46,7	32,9	46,5
Всего	100 (128)	100 (97)	100 (1033)	100 (370)

Такое распределение семей с безработными или пенсионерами по группам с разной степенью нуждаемости и включения в систему социальной защиты, на наш взгляд, напрямую связано с практикой регистрации нуждающихся. До последнего времени по правилам регистрации в социальной службе обязательным требованием для семей, где есть безработные, была постановка их на учет в службе занятости. Данное условие было своего рода фильтром, препятствующим трудоспособным гражданам получение социальной поддержки прежде, чем будет полностью реализован их трудовой потенциал. Отсутствие подходящей для них работы, а также намерение трудоустройства через активный поиск должно было быть засвидетельствовано официальными инстанциями. Однако на вполне оправданное ограничение накладывалась двойная бюрократическая нагрузка, а также специфическая социальная практика, о чем свидетельствовали результаты предыдущих исследований. С одной стороны, для получения статуса безработного требовалось выполнить ряд условий, в частности, ликвидировать задолженность по оплате коммунальных услуг. С другой – необходимо было преодолеть рассогласованную семейную позицию, когда отсутствие взаимодействия в семьях, отягощенное алкогольной зависимостью одного из членов, осложняли договоренность партнеров по этому вопросу и, соответственно, сбор всех требуемых справок.

Несмотря на значительную долю домохозяйств «безработных» и «пенсионеров» сохраняется высокий процент «работающих бедных семей» среди бедных разных категорий. Данные тенденции более очевидны при анализе статуса занятости основного кормильца, играющего ключевую роль в обеспечении семьи. В таблице 4.3.2 приведены основные характеристики занятости тех, кто вносит большой вклад в содержание домохозяйства.

Таблица 4.3.2

Характер занятости основного кормильца как фактор крайней бедности, %

Выборка	Крайне бедные		Все население	
	Все население	Официальные бедные	Все население	Официальные бедные
<i>Статус занятости</i>				
Безработные	7,8	5,2*	2,4	2,2
Неработающие	30,5	45,4*	21,8	38,4
Занятые	61,7	49,5*	75,8	59,5
Всего	100 (128)	100 (97)	100 (1033)	100 (370)
<i>Постоянство Занятости</i>				
Постоянно	83,1**	93,6	92,0	92,6
Временно	16,9**	6,4	8,0	7,4
Всего	100 (73)	100 (47)	100 (757)	100 (217)

Безработных среди этой категории членов семей значительно ниже. В то же время их доля повышается в семьях с крайней степенью нуждаемости: они составляют 5,2% крайне бедных семей, зарегистрированных социальными службами, и 7,8% - большей частью незарегистрированных. Существенное различие этих семей проявляется и в доле неработающих, куда вышли как пенсионеры, так и люди с ограниченной дееспособностью. Среди официальных бедных их гораздо больше - 45,4% в сравнении с 30,5% всех крайне бедных. Наконец, среди официальных бедных доля занятых, хотя остается довольно высокой (49,5%), ниже, чем в остальных категориях.

Как оказалось, наиболее значимые различия касаются не столько безработицы, сколько стабильности занятости: среди основных кормильцев из крайне бедных семей временно занятых в два раза больше, чем в остальных категориях. Из-за сворачивания сегментов неквалифицированной, но ранее достаточно высокооплачиваемой занятости, именно качество занятости, а не только безработица стимулируют попадание в число крайне бедных. Занятость в «нестратегических» или маргинальных (малооплачиваемых) сегментах занятости на неквалифицированной работе, отличающаяся высокой мобильностью и непродолжительностью работы являются факторами крайней бедности (табл. 4.3.2). Несомненно, попадание в такие сегменты на рынке труда во многом связаны с образованием и квалификацией работников.

В таблице 4.3.3 приведены данные относительно образовательного уровня основных кормильцев. Среди семей крайне бедных существенно выше доля имеющих среднее и неполное среднее образование. В сумме они составляют около 44% от всех крайне бедных. Тогда как среди зарегистрированных крайне бедных таковых 33%, а среди остального населения – около 25%. Вопреки ожиданиям среди этой категории также высока доля тех, кто имеет высшее и незаконченное высшее образование. Конечно, их доля ниже, чем в остальных группах (11,9%), но также, на наш взгляд, значительна. В данном случае, скорее всего, сказывается ситуация низкой адаптации к изменившимся условиям обеспечения и занятости, когда «сверхквалификация» некоторых работников становится скорее тормозом, нежели стимулом к высокому достатку.

Таблица 4.3.3

Образование основного кормильца как фактор крайней бедности, %

Выборка	Крайняя бедность		Все население	
	Все население	Официальные бедные	Все население	Официальные бедные
Неполное среднее	22,2	15,5	11,8	15,5
Среднее	21,4	17,5*	13,9	15,8
Среднее профессиональное	18,3	23,7*	14,8	22,0
Среднее специальное	26,2	26,8*	30,2	26,9
Высшее и незаконченное высшее	11,9**	16,5	29,3	19,8
Всего	100 (128)	100 (97)	100 (1033)	100 (370)

Таким образом, в ходе исследования были отмечены существенные отличия в статусе и характере занятости крайне бедных и официально бедных семей. Высокая доля занятых среди крайне бедных свидетельствует об особой их позиции на рынке труда, которая ведет к бедности в ее крайних проявлениях. В данном случае не только и не столько потеря работы оказывается движущим фактором на пути к бедности, сколько нестабильность занятости и работа на малооплачиваемых рабочих местах. Следует также отметить, что конструирующая роль системы социальной поддержки хорошо проявляется в отношении трудоспособных граждан. Высокая доля среди официальных бедных неработающих по причинам пенсионного возраста или инвалидности – свидетельство

эффективной реализации универсального принципа государственной поддержки только тех, кто признан недееспособным.

В. ГЕНДЕР

Другим немаловажным фактором бедности в последнее время становится гендерная идентичность. Однако феминизация бедности (преобладание женщин среди нуждающихся) – о чем свидетельствуют отчеты Мирового Банка по России – только одна часть проблемы влияния гендера на воспроизводство бедности в нашей стране. Наименее изучен вопрос о гендерном механизме исключения/ включения в число постоянно бедных. Важную часть этого процесса составляет сокращение возможностей мобильности в благополучные слои и формирование реальной группы бедных - устойчивой группы постоянно бедных, или андекласса - характеризуемой низкой материальной обеспеченностью (крайней бедностью), нисходящей мобильностью, выраженной в последовательном исключении с рынка труда и из системы социальной защиты (Ярошенко, 2001). Гендерная идентичность наряду с другими образует ограничения и возможности для доступа к материальным и дискурсивным ресурсам (Jencks & Palmer-Jones R., 2000: 145). Рассмотрим, как проявляется действие данного фактора среди категорий с разной степенью нуждаемости и включения в систему социальной поддержки.

В таблице 4.3.4 приведены данные о поле основного кормильца и всех членов домохозяйства, а также выделены «женские» (одинокие женщины и одинокие матери) и «мужские» (одинокие мужчины и одинокие отцы) семьи. Если среди всех опрошенных доли мужчин и женщин примерно одинаковы, то в семьях официальных бедных и крайне бедных наблюдается перевес женщин: их почти в два раза больше среди основных кормильцев, и существенно больше среди всех членов домохозяйств.

Таблица 4.3.4

Гендерные характеристики семей с разной степенью нуждаемости, %

Категории	Крайне бедные	Официальные бедные	Все население
<i>Пол основного кормильца</i>			
Муж.	35,9	36,5	54,1
Жен.	64,1	63,5	45,9
<i>Пол всех членов домохозяйства</i>			
Муж.	43,3	39,3	45,8
Жен.	56,7	60,7	54,2
<i>Женские домохозяйства, в т.ч.</i>			
Одинокие женщины	17,2	19,6	9,8
Одинокие матери	26,6	28,6	15,8
<i>Мужские домохозяйства</i>			
Другие	8,6	4,9	6,4
Другие	47,7	46,9	68,1
Всего*	(128)	(370)	(1033)

Вместе с тем следует обратить внимание, на более высокую долю женских домохозяйств среди официальных бедных в сравнении с крайне бедными. Данное различие объясняется как «гендерными» предпочтениями в социальной политике, ориентированной на помощь матерям-одиночкам, так и более легкое, по сравнению с мужчинами, согласие женщин на признание своей экономической несостоятельности и обращение за помощью.

При явном преобладании женщин среди бедных разных категорий следует обратить внимание на более высокий процент «мужских» домохозяйств среди крайне бедных.

С. ВОЗРАСТ

Таблица 4.3.5

Возраст основного кормильца как фактор крайней бедности, %

Выборка	Крайняя бедность		Все население	
	<i>Все население</i>	<i>Официальные бедные</i>	<i>Все население</i>	<i>Официальные бедные</i>
<i>В возрасте</i>				
15-29	20,5	14,4*	16,5	13,0
30-39	20,5	13,3*	20,4	18,6
40-50 (55)	29,9	33,0*	33,6	31,4
56 и старше	29,1	41,2	29,5	37,0
Всего	100 (128)	100 (97)	100 (1033)	100 (370)

Как видно из таблицы 4.3.5, возраст основного кормильца значим только для официальных бедных: там выше концентрация старших возрастных групп.

Д. СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ НУЖДАЮЩИХСЯ

Основной фокус параграфа – это способы решения материальных проблем, распространенные в семьях с разной степенью нуждаемости и включения в систему социальной поддержки. В данном случае способы совладания с нуждой, или стратегии выживания, мы рассматриваем в качестве возможных *каналов перемещения из одной категории в другую*. В условиях социальной трансформации совершенно по-разному могут вести себя «каналы» или ресурсы и возможности их использования. Например, домохозяйство становится страховкой от бедности, а работа – источником нестабильности. Какие каналы становятся факторами восходящей или нисходящей мобильности в результате трансформационных изменений условий жизнедеятельности? Диверсификация источников дохода или специализация обеспечивает достаток? Если специализация, то в чем?

Включение стратегий выживания в описательную статистику вытекало из задач проекта и убежденности в их значимости для понимания причин бедности. Это было также продиктовано стремлением показать взаимодействие «культурных» и «структурных» группобразующих характеристик.

Для начала рассмотрим различия в значимости источников дохода в разных категориях. Мы предлагали нашим респондентам оценить важность источников доходов по шкале от 1 до 4, где «1» - совсем неважно, а «4» - очень важно. На основании среднего значения оценки значимости доходов мы составили рейтинг источников доходов по степени важности. Результаты приведены в таблице 4.3.6. Как оказалось, источники доходов крайне бедных по степени значимости более диверсифицированы, чем в других категориях. Родственная помощь и продукты с дачи и подсобного хозяйства в этой категории более значимы, чем в остальных группах. В то же время в этой группе уже спектр значимых социальных трансфертов. Именно их отсутствие, а также более низкую важность доходов по основному месту работы компенсируют родственное взаимодействие и домашняя экономика.

Таблица 4.3.6

Оценка значимости источников дохода, %

Источники доходов/ категории	Крайне бедные	Официальные бедные	Все население
Доходы по основному месту работы (бизнеса) всех членов семьи	3,88	3,88	3,91
Доходы от приработков	3,08	2,92	3,07
Продукты дачи, приусадебного хозяйства	3,33	3,39	3,29
Доходы от продажи выращенного на даче, огороде, даров леса	2,43	1,82	2,21
Пенсия по возрасту, инвалидности, потере кормильца	3,82	3,89	3,72
Льготы	3,38	3,54	3,31
Социальные пособия	3,06	3,63	3,12
Пособия по безработице	3,00	3,17	2,83
Алименты	3,09	2,95	2,92
Стипендия	3,14	3,04	2,78
Сдача в аренду недвижимости	3,00	4,00	2,72
Дивиденды	2,00	1,17	1,89
Родственная помощь	3,34	3,04	3,07
Всего*	(128)	(370)	(1033)

Следует подчеркнуть, что среди официальных бедных при высокой значимости трудовых доходов, значимость социальных трансфертов в совокупности превалирует. Этот факт

еще не свидетельствует об экономической зависимости, однако сигнализирует о некоторой специализации и предпочтениях членов этой группы. Здесь же следует отметить важность в доходах официальных бедных того самого экономического потенциала, который пытаются социальные работники выявить и задействовать при оценке нуждаемости обратившихся за помощью.

Что касается остального населения, то тут видна обратная специализация – существенно выше значимость доходов от основной работы и пенсии.

Е. СТРАТЕГИИ ЗАНЯТОСТИ VS СТРАТЕГИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

При анализе различий в стратегиях выживания – привычных практиках решения материальных проблем - мы сфокусировались только на двух составляющих: работе и социальной поддержке, чтобы протестировать распространенные представления о том, что социальная поддержка играет негативное влияние и ведет к зависимости. Дополнительным аргументом в пользу такой избирательности было и то, что именно эти два канала, на наш взгляд являются индикаторами изменений в экономическом поведении людей и показателем влияния «культурных» факторов

На наш взгляд, в кризисных условиях семьи будут стремиться использовать все возможные источники доходов. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты как западных, так и отечественных исследований (Буравой, 1999). Результаты нашего исследования подтверждают ранее сделанные выводы по этому поводу. Новаторским же является предположение о том, что в рамках этой диверсификации формируется специализация на конструктивных или деструктивных способах решения проблем.

В таблице 4.3.7 приведены ориентации и поведенческие практики в сфере занятости групп населения, отличающихся по степени нуждаемости и включения в систему социальной защиты. Самое высокое стремление к смене места работы и, соответственно, низкая удовлетворенность имеющейся работой наблюдается среди крайне бедных. Но в отличие от остальных они менее активны в поиске новой работы. Можно предположить, что серьезным сдерживающим фактором является низкая оценка возможностей на рынке труда в связи с низким уровнем образования или невостребованной квалификацией. Но обращает на себя внимание тот факт, что даже в случае имеющейся возможности продвижения по службе, работающие крайне бедные реже согласны ею воспользоваться. Справедливости ради, следует отметить, что отказ от карьеры у них сочетается с установкой на повышение образования: они чуть чаще официальных бедных стремятся к повышению образования.

Таблица 4.3.7

Стратегии занятости основного кормильца по категориям, %

Категории/ Стратегии занятости	Крайне бедные	Официальные бедные	Все население
Желание поменять место работы	54,5	31,5	32,7
Поиск работы	16,4	20,9	12,7
Стремление повысить уровень образования	21,4	20,1	31,2
<i>Оценка возможностей на рынке труда</i>			
Высокие	10,9	18,3	25,8
Низкие	34,5	25,0	25,5
Стремление воспользоваться возможностью повышения по службе	20,0	33,8	41,5
<i>Трудовая мобильность последние 10 лет</i>			
Сверхмобильные	14,6	9,5	9,4
Мобильные	43,6	52,1	41,1
Немобильные	41,8	38,5	49,6
Всего*	(128)	(370)	(1033)

Среди официальных бедных поиск работы распространен больше всех.

Теперь обратимся к проявлениям экономической зависимости в виде готовности принять зависимый статус, практики обращения за помощью, наличия регистрации и оценки реальной нуждаемости. В таблице 4.3.8 приведен перечень поведенческих практик, ассоциирующихся с признанием экономической несостоятельности.

В первую очередь обращает на себя два момента. Во-первых, низкий процент получающих государственную поддержку среди крайне бедных – всего 17%. Во-вторых, высокий процент, в том числе среди всех горожан готовых признать себя бедными и обратиться за помощью.

Таблица 4.3.8

Опыт социальной поддержки по категориям, %

Категории/ Опыт поддержки	Крайняя бедность	Все население
Зарегистрированы как нуждающиеся	17,2**	12,1
Желание обратиться за помощью	43,0***	22,8
Необходимость помощи	67,9***	35,7
Прошлый опыт регистрации	30,5***	20,9
Интересовались возможностью получения помощи в органах социальной защиты	31,1***	26,0
Всего*	(128)	(1033)

* - значимость связи .0

** - значимость связи .00

*** - значимость связи .000

Мы выделили конструктивные и деструктивные стратегии выживания по их вкладу в решение проблемы бедности. К первым отнесли активность в сфере занятости, связанную с повышением социального капитала через переквалификацию и переобучение. Сюда же вошли стратегии, связанные с подработками. На самом деле, они занимают промежуточное положение в данной дихотомии, так как зачастую решают материальные проблемы в ущерб профессионализации... Сюда же мы отнесли стремление и готовность воспользоваться возможностью продвижения по служебной лестнице. К противоположному полюсу мы отнесли тенденции к экономической зависимости, выраженные в продолжительности получения социальной поддержки. На наш взгляд, сюда же можно отнести сверхмобильность - смену более 4 рабочих мест за последние десять лет.

Таблица 4.3.9

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ ПО КАТЕГОРИЯМ, %

Категории/ Стратегии выживания	Крайне бедные	Официальные бедные	Все население
<i>Подрабатывают, в том числе</i>	14,8	17,6	18,9
Постоянно	26,3	20,9	21,5
Регулярно	15,8	20,9	19,0
время от времени	57,9	58,1	59,5
<i>Планируют повысить образование или уже повышают</i>	21,4	20,1	31,2
<i>Собираются воспользоваться возможностью повышения по службе</i>	20,0	33,8	41,5
<i>Регистрация в социальной службе свыше 5 лет</i>	35,2	25,2	--
<i>Сверхмобильность</i>	14,6	9,5	9,4
Всего*	(128)	(370)	(1033)

Г. РЕГРЕССИОННАЯ МОДЕЛЬ

Для уточнения влияния структурных и культурных факторов (латентных переменных) на вероятность попадания в ту или иную группу по степени нуждаемости в исследовании использована логистическая модель множественного выбора. Данная модель позволяет оценить влияние различных независимых переменных на вероятность оказаться в той или иной группе. Изменение независимых переменных приводит к изменению вероятности проявления того или иного признака.

В модель были введены (1) демографические характеристики возраста всех членов семьи, размер семьи и число детей; (2) показатели гендерного профиля домохозяйств (одинокое матери и одинокие женщины); (3) характеристики статуса занятости и (4) индикаторы стратегий выживания. Тем самым мы хотели проверить гипотезу о значимости нестабильного статуса занятости в формировании крайней бедности, а также о взаимовлиянии культурных и структурных факторов на крайнюю бедность.

Результаты подтвердили нашу первую гипотезу и показали, что наиболее значимыми социальными характеристиками, влияющими на вероятность попадания в число крайне бедных, является статус занятости. Наличие в семье временно занятого или безработного, особенно если они основные кормильцы, повышает риск оказаться в числе крайне бедных. Серьезным отягчающим фактором является также размер семьи. Оказалось, чем меньше размер и ниже средний возраст всех членов, тем более вероятно ее попадание в число крайне бедных.

Что касается второй гипотезы, то из всех стратегий выживания, значимо влияющей на вероятность включения или исключения в крайне бедную категорию, оказалась лишь стратегия повышения образования. В данном случае она обратно влияет на вероятность стать крайне бедным: ориентация на повышение образования и ее реализация снижают риск оказаться в числе крайне бедных. Примечательно, что стратегия экономической зависимости никак себя не проявила.

Во второй колонке приведены также данные множественной логистической регрессии для вероятности попадания в число официальных бедных. В данном случае значимых факторов, влияющих на статус официально бедных значительно меньше: число детей в семье, статус одинокой матери и наличие пенсионеров в семье увеличивают вероятность оказаться в числе получателей социальной поддержки. В данном случае проявляется конструирующее действие социальной политики и ее основные предпочтения.

ДАННЫЕ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ РЕГРЕССИИ ФАКТОРОВ БЕДНОСТИ

Sample Size = 1033; -2 Log Likelihood = 774.01763; Goodness of Fit= 1033.475 – крайне бедные

Sample Size = 1033; -2 Log Likelihood = 540.705; Goodness of Fit= 895.569 – все население

	Крайне бедные		Официальные бедные	
	B*	Sig	B	Sig
Демографические характеристики				
Размер семьи	-.6172	.000	-.2497	.147
Число детей в семье	.4806	.032	.7830	.002
Средний возраст всех членов семьи	-.0190	.096	-.0222	.1131
Гендерные характеристики				
Одинокие матери	.4302	.117	.8055	.008
Одинокие женщины	.3675	.323	.7784	.105
Классовая позиция				
<i>Один из членов домохозяйства</i>				
Безработный	.9776	.033	-.5678	.297
Пенсионер	.6697	.002	1.1331	.002
<i>Статус занятости основного кормильца</i>				
Безработный	.9076	.089	.5044	.554
Временно занятый	.8913	.011	-.6546	.293
Стратегии выживания				
<i>Основной кормилец</i>				
Подрабатывает	-.3295	.260	.0127	.967
Повышает образование	-.7045	.007	-.0027	.992
Сверхмобилен	.3745	.301	-.6946	.257
Получает социальную поддержку свыше 5 лет	.4332	.355	10.6087	.264

B – unstandardized coefficients (стандартизированный коэффициент).

ГЛАВА 5. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАСТОЙНОЙ БЕДНОСТИ (АНДЕКЛАССА) В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ

Существует два подхода к определению андекласса: бихевиористское (культурное) и структурное.

Сторонники первого («бихевиористы») связывают проблемы андекласса с постоянством бедности и особой культурой (Ricketts and Sawhill, 1988). Бихевиористская интерпретация формирования андекласса под влиянием патологической культуры зависимости и особых моделей поведения, сформированных социальной политикой, часто подвергается серьезной критике и считается политически опасной.

Сторонники второго («структуралисты») (Szeleney a.o., 2001) настаивают на структурных характеристиках данной категории. Они используют трехсоставное определение андекласса, аналогичное определению Мюрдаля (Myrdal, 1963: 14, 38-39), Вилсона (Wilson, 1978: 156-157; 1987: 10-12, 60) и Массея с Дентоном (Massey and Denton, 1993: 3-9): (1) крайняя бедность, (2) межпоколенческая преемственность и (3) пространственная сегрегация.

Специфика постсоветской ситуации в том, что бедность только в условиях трансформации из статистической превращается в реальную. Значит, сравнительно недавно кристаллизуются барьеры, препятствующие межслоевой мобильности, распространенной в советское время. Это ставит под сомнение эффективность «межпоколенческой преемственности» в качестве критерия выделения застойной бедности (андекласса). Аналогичным образом обстоит дело с пространственной сегрегацией (Буравой, Кротов, Лыткина, 1999). Поиск эффективных критериев определения и объяснения андекласса позволил Зелени и др. сделать весьма эффективное предположение о том, наиболее важные изменения в трансформирующихся странах касаются сворачивания сегментов неквалифицированной, но ранее достаточно высокооплачиваемой занятости. Согласно этой позиции андекласс определяется в терминах объективных жизненных шансов и в первую очередь связывается с безработицей (Szeleney a.o., 2001: 3-4). Иными словами, Зелени предлагает *структурное* объяснение: сокращение объективных жизненных шансов (возможностей) является причиной формирования андекласса. Причем андекласс представляет собой: (1) крайне бедных, (2) с риском преемственности такого состояния в последующих поколениях, (3) изолированных пространственно (Szeleney a.o., 2001: 3-4).

Мы стремимся представить объяснение на стыке двух подходов, когда культурный механизм исключения встраивается в структурный.

В советской России бедность также была распространена среди различных категорий, нельзя выделить одной какой-то категории которая была бы больше представлена среди бедных. Как правило, бедность была связана с демографическими факторами (многодетностью или неполными семьями), увеличивающими иждивенческую нагрузку (соотношение работающих и иждивенцев) семьи. Правда, современные исследователи все же отмечают преобладание среди советских бедных работающих женщин, занятых в малооплачиваемых отраслях экономики (Бедность в России, 1998: 51), а также неквалифицированных рабочих (Matthews, 1986).

Низкий уровень реальной безработицы, зафиксированный статистикой в нашей стране, а также значительная доля занятых на низкоквалифицированной и малооплачиваемой работе, временной работе или работе с повышенной нестабильностью (самозанятость) свидетельствует о том, что скорее качество занятости, а не безработица будут стимулировать формирование постоянной бедности. В связи с этим ведущим фактором, объясняющим формирование постоянной бедности, на наш взгляд, являются качество занятости: (1) должность и место основной работы; (2) стабильность основной работы

(продолжительность контракта на ее выполнение); (3) уровень оплаты (необходимость подработок для поддержания материального уровня семьи).

Другим немаловажным условием является исключение этой категории из поля зрения социальной политики. Данные структурные характеристики, как мы предполагали, закрепляют особые культурные практики совладания с нуждой.

5.1. ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И ИСКЛЮЧЕНИЯ

Около 12% опрошенных семей были зарегистрированы в органах социальной защиты нуждающимися. Данная доля соответствует показателям ведомственной статистики, согласно которым 9,8% всех городских семей получали социальную помощь в 2002 году.

Однако характер материального положения «официальных бедных», зарегистрированных в органах социальной защиты г. Сыктывкара, существенно различается по признаку депривации (табл.4.1.1). Несмотря на довольно жесткие методы оценки нуждаемости примерно десятая часть не испытывает лишений, а около половины ограничены в средствах на покупку одежды и товаров длительного пользования, но не экономят на еде. Наконец, лишь пятая часть (26,2%) официальной бедности – крайне бедные.

Примечательно, что в числе причин, по которым семья не обращается за помощью, чаще называются «проблемы дохода» или «проблемы регистрации», то есть несоответствие принятым правилам регистрации.

Таблица 5.1.2

ПРИЧИНЫ НЕ ОБРАЩЕНИЯ ЗА ПОМОЩЬЮ ПО КАТЕГОРИЯМ, %

Категории		Крайне бедные	Все население
Причины	Доход выше минимума	16,7	31,2
	Проблема с пропиской	27,8	20,4
	Нет времени стоять в очереди	31,9	28,1
	Нет знакомых	9,7	6,8
	Надоело ходить	5,6	7,1
	Надоела грубость	8,3	5,2
	Стесняюсь	12,5	10,2
	Другое	27,8	21,0
Всего		100	100

С этой точки зрения различия среди крайне бедных и бедных вполне предсказуемы: первые реже, чем вторые считают свои доходы выше установленного минимума. Напротив, формальные требования (наличие прописки, оформление справок) они рассматривают чаще всего в качестве препятствия для регистрации. В этом нет ничего удивительного: неоформленный развод, несоответствие прописки реальному проживанию и др. причины, - затрудняют получение необходимых справок или искажают реальную ситуацию настолько, что обращение становится беспочвенным. Выходом из создавшейся ситуации вряд ли может быть сокращение числа справок, которые являются принципиальным основанием для оказания помощи. Однако имеет смысл использовать административный ресурс для сбора информации там, где семейные возможности ограничены. К примеру, получение справок об отсутствии алиментов становится основной причиной отклонения заявок разведенных женщин.

В другую группу причин входят признания ограниченности своих ресурсов: связей или времени, например. Оказалось, что даже в этой сфере действуют сетевые отношения, позволяющие преодолевать бюрократические проволочки очереди. И вполне понятно, что крайне бедные чаще лишены такой возможности по сравнению с бедными. В целом суть обоих названных причин кроется в плохой организации и слабой значимости оказываемой

социальной помощи. Для крайне бедных, проживающих в частных домах, не нужна наиболее распространенная и востребованная в других группах жилищная субсидия¹⁶. С одной стороны, чиновники надеются на естественный отбор, рассчитывая на отсев части заявителей. С другой стороны, отсев идет не из числа тех, кто сам может о себе позаботиться.

В ходе исследования подтвердилась гипотеза о том, что *постоянно бедные* – это не только постоянно получающие пособие, но и исключенные из системы социальной поддержки. С точки зрения государственной политики эта категория «невидима» или исключена из действующей на рынке труда и социальной сферы (то есть сферы социальных гарантий) системы поддержки или стимулирования достигательских или успешных форм экономического поведения. С точки зрения микро-практик экономического поведения данная социальная категория «изолирована» в результате выработки таких способов решения проблем, которые несмотря на конструктивный потенциал, не находят поддержки и развития.

5.2. ПОСТОЯНСТВО ПРОБЛЕМ

Таблица 5.2.1

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ПО КАТЕГОРИЯМ, %

Категории		Крайне бедные	Все зарегистрированные
Продолжительность регистрации	До 1 года	22,1*	25,3
	От 2 до 4 лет	45,5*	51,9
	От 5 до 10 лет	23,4*	16,9
	Свыше 10 лет	9,1*	5,8
Всего		100 (77)	100 (370)

* - значимость связи .0

Считается, что длительность получения государственной поддержки формирует зависимость, негативно влияя на поиски самостоятельных форм выхода из нужды. Поскольку наша система еще только складывается, то трудно предположить наличие такой связи. И, действительно, большая часть зарегистрированных получает социальную поддержку от 2 до 4 лет. Но среди крайне бедных больше тех, кто имеет продолжительный (советский) опыт регистрации. Это те, кто еще с советских времен включился в систему социальной поддержки, и не исключен современной системой. И все же, как показала регрессионная модель, говорить о том, что продолжительность получения социальной поддержки этой категорией усиливает вероятность оказаться в крайне бедности, не приходится.

Посмотрим, насколько постоянны материальные проблемы среди бедных разных категорий и в какой мере проявляется риск формирования застойной бедности.

В таблице 5.2.2 приведено несколько оценочных характеристик продолжительности нужды. Первая косвенным образом отражает поколенческую преемственность данного

¹⁶ По данным социологического опроса, проведенного в 2002 году министерством РК по социальным вопросам среди зарегистрированных малоимущих наиболее распространенными видами помощи являются: компенсация на оплату жилищно-коммунальных услуг (ее удельный вес среди всех видов социальной помощи составляет 40,9%), бесплатное питание учащихся (24,4%) и компенсация стоимости содержания детей в детских дошкольных учреждениях (13%). Для сравнения доля социального денежного пособия составляет 9,4%.

состояния («родители жили в бедности»). Вторая характеризует следующую временную волну, связанную с последствиями экономического реформирования («сложнее стало содержать семью по сравнению с советским временем»). Наконец, последние две - оценивают ближайшую временную перспективу: последние два года.

Среди крайне бедных все три временные характеристики преобладают. Но бедность родителей оказалась незначимой по влиянию на положение в социальном континууме между бедностью и богатством. Что ожидаемо и лишний раз подтверждает признанную точку зрения о дисперсном и временном характере бедности в советское время. Напротив, высокий вклад в материальное положение и позицию на шкале «бедности – богатства» оказывают годы реформ. Около 80% крайне бедных отметили, что стало сложнее обеспечивать семью по сравнению с советским временем. Для сравнения таковых было около 60% среди всего населения и 70% - среди зарегистрированных бедных.

Таблица 5.2.2

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ПО КАТЕГОРИЯМ, %

Категории/ Время	Крайне бедные	Офиц. бедные	Все население
Родители жили в бедности	28,1	18,4	24,2
Сложнее стало обеспечивать семью по сравнению с советским временем	78,1***	68,8	61,9
Неизменность материального положения последние два года	40,6***	41,6	42,2
Ухудшение материального положения последние два года	40,6***	33,6	26,9
Всего (число опрошенных)	(128)	(370)	1033

О том, что крайне бедным не удается справиться с материальными проблемами и они грозят перерасти в постоянные, свидетельствует последняя временная характеристика: оценка изменения материальной ситуации последние два года. Среди крайне бедных выше удельный вес тех, кто испытывает ухудшение ситуации последние два года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты социологического исследования, проведенного в домохозяйствах (семьях) г. Сыктывкара в конце 2002 - начале 2003 гг. в рамках проекта “Социальная поддержка официально бедных в условиях социальной трансформации: институт зависимости или канал восходящей мобильности”, позволили прийти к следующим выводам:

- (1) Среди официальных бедных только четверть составляют крайне бедные, выделенные по критериям возможности удовлетворять минимальные и средние потребности, а также по уровню материальной обеспеченности.
- (2) Низкая доля крайне бедных среди зарегистрированных нуждающихся обусловлен высоким удельным весом среди них тех, кто проживает в частных домах. Отсюда их низкая заинтересованность в обращении в социальные службы, так как они не нуждаются в получении наиболее распространенной формы помощи: компенсации на оплату жилищно-коммунальных услуг.
- (3) Если определять экономическую зависимость как продолжительность получения социальной поддержки, то мы не обнаружили связи между длительностью регистрации и попаданием в число крайне бедных – потенциальной группы постоянных бедных. Напротив, мы обнаружили, что данная категория исключена из поля социальной поддержки.
- (4) Характер материального положения “официальных бедных”, зарегистрированных в органах социальной защиты г. Сыктывкара, существенно различается по признаку депривации. В число “официальных бедных” включены семьи, не испытывающие никаких лишений или ограниченные в средствах на покупку товаров длительного пользования. Это свидетельствует о недостатках методических аспектов идентификации заявителей со статусом малоимущих и выявляет проблему методического характера - более надежного контроля и более полного учета статуса реципиентов.
- (5) Увеличение категории официальных бедных идет за счет тех, кому принято помогать в индустриальных обществах: недееспособным, женщинам. Даже использование оценки доходов - нейтрального признака – не позволяет избежать конструирования группы достойных бедных по общим идеологическим принципам: нетрудоспособные, матери-одиночки, дети. Анализ системы социальной поддержки показал, что конструирующее начало в данном случае связаны с видами оказываемой помощи и условиями их предоставления. Так, низкий уровень гарантированного душевого дохода (треть от прожиточного минимума) существенно снижает число претендентов на денежное социальное пособие (около 3% от всех зарегистрированных). А наиболее распространенные и востребованные виды помощи: жилищная субсидия и детские пособия, - предоставляются тем, кто в них нуждается, и тем, кто не только подтвердил нуждаемость, но и предоставил справки о всех членах семьи с различных мест регистрации (по месту жительства, службы занятости и т.д.). Это не противоречит общей направленности адресной помощи лишь при условии адекватной ситуации на рынке труда и развитии альтернативных распределительным каналам восходящей мобильности
- (6) На сегодняшний день крайне низкая оплата труда является основной причиной роста числа статистических бедных и крайне бедности.
- (7) Как повысить эффективность системы социальной поддержки в этих условиях? Полагаться только на социальные пособия нельзя. Следует использовать высокое стремление (сильную установку) на повышение образования и переквалификацию;

социальный патронаж...

ЛИТЕРАТУРА

Акопов В.И., Гаджиев Ю.А. (1998) Модель благосостояния Республики Коми. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН

Ашвин С. (2000) Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости. // *Социс. № 11. С. 63-72*

Беляева Л.А. (2001) Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // *Социс. №6. С.44-52*

Буравой М., Кротов П. и Лыткина Т. (1999) От деревянного Парижа к панельной Орбите: модель жилищных классов Сыктывкара. Сыктывкар: ИРСИ

Заславская Т. (2001) Социоструктурный аспект трансформации российского общества // *Социс. 2001. № 8. С. 3-11*

Кабалина В., Кларк С., ред. (1999) Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономики в России. Под ред. В.Кабалиной и С.Кларка. М.: РОСПЭН, 1999.

Кларк С. (1998) Бедность в России // *ЭКО. N 10-12.*
<http://socnet.narod.ru/kollektives/ISITO/library/Articles/Clark/Clark-poverty.htm>

Клюгман Джени, ред (1997) Бедность в России. Государственная политика и реакция населения. Под. Ред. Джени Клугман. Вашингтон: Всемирный Банк, 1998. Пер. на русский язык 1997. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. Washington.

Лаженцев В.Н., Акопов В.И., ред. (2003) Экономическая безопасность Республики Коми. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2003

Можина М.А., ред. (1998) Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению бедности. М.: Московский центр Карнеги, 1998

Можина М.А., ред. (1994) Бедность: взгляд ученых на проблему / Отв. редактор М.А.Можина. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1994

Овчарова Л. (2001) Бедность в России // *Домоскоп Weekly. N11-12*
<http://www.demoscope.ru/weekly/011/tema02.php>

Пилотные программы по введению адресной социальной поддержки малоимущих семей в Республике Коми, Воронежской и Волгоградской областях. М: Минтруд России, Российский фонд социальных реформ, СОТЭКО, ВЦУЖ, ИСЭПН, 1999

Проблемы измерения бедности в современной России // *Уровень жизни населения регионов России. 1996. N8. СС.4-19*

Прокофьева Л.М. и др. (2000) Феминизация бедности в России. Макроэкономический анализ феминизации бедности в России. *Сборник докладов, подготовленных для Всемирного Банка. Москва, Всемирный Банк: Изд-во «Весь мир», 2000*

Пузанов А.С., ред. (1998) Адресная социальная поддержка населения: уровень местного самоуправления / Под ред. А.С. Пузанова. М.: Фонд «Институт экономики города»

Российский статистический ежегодник (2002) Статистический сборник. Москва: Госкомстат России

Рэвилльон М. Сравнительные оценки бедности

Статистический ежегодник Республики Коми (2001) Сыктывкар, Госкомстат Республики Коми

- Условия жизни населения в Республике Коми. Аналитическая записка. Сыктывкар: Госкомстат РК, 2001
- Ярошенко С. (2001а.) Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных. *Рубеж. №16-17*
- Ярошенко С. (2001б) Бедные северного села трансформирующейся России: двойное исключение // *Экономическая социология. Том 2, N 5, С. 59-78* <file://www.ecsoc.msses.ru>.
- Ярошенко С. (1999) Типы обеспечения питания в городских семьях // *Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономики в России. Под ред. В.Кабалиной и С.Кларка. Москва, 1999. С.156-171*
- Ярошенко С. (1994) Синдром бедности // *Социологический журнал. N 2. С.43-51*
- Berger, S. And Piore, M.J. (1980) *Dualism and discontinuity in Industrial societies*. Cambridge: Cambridge University Press
- Clarke, S. (1999) *New forms of employment and household survival strategies in Russia, Coventry and Moscow*
- Commander S., Tolstopiatenko A., Yemtsov (1997) *Channels of Redistribution: Inequality and Poverty in the Russian Transition / The World Bank*
- Dean, Mitchell (1991) *The constitution of poverty. Toward a genealogy of liberal governance*. London: Routledge
- Jackson, Cecile and Palmer-Jones, Richard (2000) *Rethinking gendered poverty and work // Shahra Rasavi (Ed.). Gendered poverty and well-being. Blackwell*
- Jordan, Bill (1996) *A theory of poverty and social exclusion*. Cambridge: Polity Press
- Mack, Joanna and Lansley, Stewart (1984) *Poor Britain*. London: George Allen & Unwin
- Marclund S. (1993) *Social policy & poverty in post-totalitarian Europe // Social welfare. 1993. Vol.2. P.104-114*
- Massey, Douglas S., and Nancy C. Denton (1993) *American Apartheid*. Cambridge: Harvard University Press, 1993
- Matthews M. (1986) *Poverty in the Soviet Union. The life-styles of the underprivileged in recent years*. London, New York: Cambridge Univ. Press
- Myrdal, Gunnar (1963) *Challenge to Affluence*. New York: Pantheon Books
- Piirainen, Timo (1997) *Towards a new social order in Russia. Transforming structure and everyday life*. Aldershot: Dartmouth
- Piore, Michael J., Sabel, Charles F. (1984) *The second industrial divide. Possibilities for prosperity*. New York: Basic Books, Inc.
- Ricketts, Erol R., and Isabel Sawhill (1998) *Defining and measuring the underclass. Journal of Policy Analysis and Management. 1998. 7: 316-325*.
- Rimashevskaya N., Ed (1998) *Family, well-being and health. Project "Taganrog – 3.5"*. Moscow: Institute for socio-economic studies of population
- Sen A. (1983) *Poor, relatively speaking // Oxford economic papers. V.35. P. 153-169*
- Sen A. (1985) *A sociological approach to the measurement of poverty. A replay to professor Peter Townsend // Oxford economic papers. V.37. N. 4. P. 669-676*
- Szelenye Ivan, Ed. (2000a) *Poverty, ethnicity and gender in transitional societies*. Yale University

Szelenye, Ivan and Rebecca Jean Emigh, Ed. (2001) Poverty, ethnicity and gender in Eastern Europe during the Market transition. London: Praeger Publishers

Szeleney Ivan, Ladanyi, Janos. (2000b) Poverty and social structure in transitional societies” prepared by Janos Ladanyi and Ivan Szeleney. Yale university: Center for Comparative studies, draft September-December 2000b

Townsend P. (1979) Poverty in the United Kingdom. London. Berkeley: Univ. of California

Wilson, William Julius (1987) The truly disadvantaged. Chicago: University of Chicago press